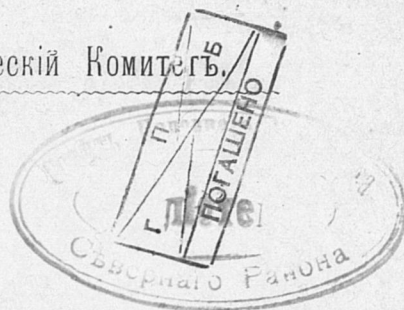

Семипалатинскій Областной Статистическій Комитетъ.

с 595 сел.
П-15а.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Арх 126525

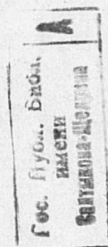
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

НА 1902 ГОДЪ.

483/16

ВЫПУСКЪ VI.

457

не верх. одл.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типогр. Семип. Обл. Правленія.

1901.

ср. 97320

Къ вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленгутахъ въ киргизской степи.

I.

Все равно только на небѣ да на кладбищѣ—гласить какая то нѣмецкая пословица, оказывавшаяся справедливой до сихъ поръ на всемъ протяженіи историческаго существованія человѣчества.

И киргизская степь, представляющая изъ себя, казалось бы, широкой просторъ для немногочисленнаго кочевого населенія, также была ареною проявленія своеобразныхъ рабовладѣльческихъ вожделѣній—для сильныхъ и богатыхъ, и мѣстомъ заключенія и тяжелыхъ страданій для слабыхъ и бѣдныхъ... Если русскіе помѣщики добраго стараго времени держали вокругъ себя цѣлыя дворни прислужниковъ-рабовъ для услугъ и удовлетворенія своихъ безмѣрно разрастающихся прихотей и желаній, то и честолюбивые и не въ мѣру тщеславные киргизскіе богачи и вельможи, именовавшіеся султанами, также считали за честь поддерживать и питать въ себѣ свои властолюбивые инстинкты путемъ обладанія толпою подвластныхъ и безотвѣтныхъ рабовъ.

Откуда же, изъ какого класса людей и какими пу-

тями вербовались киргизскіе невольники, рабы и тюленгуты и что изъ себя представляли всѣ эти, такъ или иначе закрѣпощенные, люди? Въ чемъ выразились отношенія русскихъ властей къ киргизскому крѣпостному и рабовладѣльческому праву и каковы были конечные результаты усилій русской администраціи, такъ или иначе стремившейся къ водворенію среди полудикихъ кочевниковъ гуманитарныхъ началъ и законности?

Отвѣтъ на эти вопросы составляетъ задачу настоящаго очерка. Матеріаломъ для составленія его послужили архивныя дѣла бывшаго Каркаралинскаго окружнаго приказа, такого же Аягузскаго, областного правленія сибирскихъ киргизовъ, канцеляріи военнаго губернатора Семипалатинской области, и другія, предоставленныя автору г. Секретаремъ Семипалатинскаго Статистическаго Комитета Н. Я. Коншинымъ, который и во время составленія очерка на оставлялъ сочинителя своими совѣтами, справками и указаніемъ источниковъ.

Во избѣжаніе упрека въ широковѣщательности, считаю нужнымъ оговориться, что поставленное мною заглавіе очерка слѣдуетъ понимать только въ отношеніи киргизской степи, входящей въ составъ нынѣшней Семипалатинской и отчасти Семирѣченской области. Включенные въ заглавіе „невольники“ (сверхъ рабовъ и тюленгутовъ, которымъ собственно и посвящена наша работа) являются результатомъ желанія автора слѣдовать установившимся въ оффиціальныхъ документахъ XVIII и затѣмъ XIX вѣка выраженіямъ: на языкѣ правительства и администраціи всѣ киргизскіе рабы были невольниками и всѣ дѣла о киргизскихъ рабахъ считались дѣлами о невольникахъ. Пренебrecь этимъ ставшимъ теперь уже историческимъ и многимъ извѣстнымъ названіемъ, не смотря на всю его неточность и неопредѣленность, не представлялось возможнымъ. Собственно же киргизскими невольника-

ми, по справедливости, слѣдовало бы называть только людей, захваченныхъ киргизами въ плѣнъ и со-держимыхъ подѣ неослабнымъ надзоромъ въ предуп-режденіе побѣга ихъ на родину. При такомъ способѣ воззрѣнія на невольниковъ, всякій невольникъ могъ быть и не быть рабомъ завоевателя. Онъ становился рабомъ, если терялъ всѣ надежды на освобожденіе и, наоборотъ, переставалъ быть невольникомъ, не пре-вращаясь въ раба, если бѣжалъ или былъ выкупа-емъ изъ плѣна.

Главную массу киргизскихъ рабовъ и невольниковъ въ XVIII столѣтіи составляли люди, захваченные въ плѣнъ во время многочисленныхъ стычекъ однихъ племенъ съ другими. Не мало и русскихъ людей XVIII ст. перебивало въ плѣну у киргизовъ, но калмыки и башкиры, находившіеся въ долгой и упор-ной борьбѣ съ киргизами, доставили изъ своего пле-мени наибольшее количество рабовъ. Такъ въ 1736 и 1737 г.г. волжскіе калмыки, подданные Россіи, были предметомъ похода противъ нихъ со стороны киргизовъ. „Счастливое окончаніе сего похода, *увлеченіе мно-гихъ плѣнныхъ* и отгонъ скота въ 1736 г.—пишетъ Лев-шинъ въ своемъ „Описаніи киргизъ-казацкихъ ордъ и степей“,—не удовлетворило алчныхъ киргизовъ. Въ началѣ 1737 года они вновь повторили нападеніе и возвратились съ новою добычею.“¹⁾ Тѣ же от-ношенія киргизы проявили къ башкирамъ. Рус-ское правительство, въ видахъ сбереженія своихъ войскъ, готово было пользоваться исконною враждою киргизовъ къ башкирамъ и, въ случаѣ волненія послѣднихъ, охотно шло на встрѣчу желанія Абулхаира—хана Малой орды, желавшаго оказать свое содѣйствіе къ усмирению непослушныхъ. Въ результатѣ „Абул-хаиръ два мѣсяца грабилъ Башкирію безъ всякаго

¹⁾ Левшинъ, т. II стр. 127.

различія ея жителей... съ цѣлями обогащенія себя и своихъ киргизовъ добычею... и даже надѣялся сдѣлать сына своего ханомъ Башкирскимъ¹⁾. Это было въ 1738 году, и въ томъ же году киргизы Малой орды нападали на калмыковъ и русскихъ. Въ 1740 г. Абулхаиръ посылалъ на раззореніе улусовъ калмыцкихъ около 3000 киргизъ-казаковъ. 24 апрѣля 1744 года дана намѣстнику ханства Калмыческаго Дундукъ-Дашѣ грамота о собраніи калмыковъ противъ киргизъ-кайсаковъ. Въ 1746 г. киргизы неожиданно напали на калмыковъ и *увели въ плѣнъ* около 700 человекъ. Въ 1753 году на границахъ киргизъ-кайсацкихъ степей подняли бунтъ башкиры. Русскіе отгнѣнили главнаго башкирскаго бунтовщика Батырь-Шиха въ киргизскую степь и объявили киргизъ-кайсакамъ, что все, перебѣжавшіе къ нимъ башкиры, до 50 тысячъ человекъ, отдаются въ ихъ власть. Это вызвало страшную рѣзню, съ большимъ трудомъ прекращенную русскими.²⁾ Въ 1757 году киргизы Средней орды съ султаномъ Аблаемъ и батыремъ Кочкорбаемъ вторгаются на Алтай и *уводятъ множество плѣнныхъ теленгутовъ*³⁾ Въ 1771 году калмыки, вслѣдствіе строгихъ мѣръ, предпринятыхъ противъ нихъ русскимъ правительствомъ, задумали перекочевать въ Китай, но изъ 300

¹⁾ Тамъ же, стр. 130.

²⁾ Б. Энци. Слов. Брокгауза и Ефрона.

³⁾ Пам. Книжка Зап. Сиб. 1881 г. стр. 77. Г. Калачовъ (Живая стар. III—IV, 1896 г.) считаетъ наззаніе „теленгутъ“ неправильнымъ, употребляемымъ вм. „теленгетъ“. Съ другой стороны въ Б. Энци. Слов. Брокгауза эти же инородцы поименованы „теленгитами“. Въ настоящей статьѣ мы вездѣ обозначаемъ словомъ *тюленгутъ*, по примѣру Н. А. Аристова, киргизскаго тюленгута, а *теленгетомъ* будемъ называть алтайскаго калмыка. Въ цитатахъ же будемъ придерживаться правописанія авторовъ.

тысячъ ихъ достигли Джунгаріи не болѣе половины, остальные были перебиты киргизами и др. кочевниками ¹⁾

При небольшомъ желаніи приведенный мною списокъ столкновеній киргизъ съ другими народами и племенами XVIII вѣка легко можно было бы продолжить и увеличить. Но уже и изъ приведенныхъ данныхъ кажется достаточно яснымъ, какъ велико было броженіе среди разнаго рода азіатскихъ племенъ того времени, какую видную роль — то молота, то наковальни — играли при этомъ наши храбрые киргизъ-кайсаки и какъ много представлялось имъ случаевъ порабощенія инородцевъ.

Такимъ образомъ, киргизское рабство выросло естественнымъ путемъ на благопріятной почвѣ безправія и полного торжества грубой силы, царившей надъ срединной Азіей XVIII вѣка. Отъ избытка плѣнныхъ развилась торговля невольниками-рабами. Русское государство, бывшее въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ киргизами, искавшими и принявшими подданство Россіи, не могло не знать о громадномъ числѣ людей, плѣненныхъ киргизами. Въ статьѣ г. Крафта, посвященной уничтоженію рабства въ киргизской степи, говорится о Высочайшей грамотѣ 5 сентября 1755 года на имя киргизъ-кайсацкаго хана Нурали, султановъ, старшинъ и всего киргизъ-кайсацкаго народа, которымъ объявлялось, что имъ отъ Высочайшаго имени жалуются жены, дѣти, скотъ и все имущество бѣглыхъ башкиръ. Это былъ, говорить г. Крафтъ, „первый законодательный актъ, признавшій въ широкихъ размѣрахъ рабство въ киргизской степи и имъ кочевники не замедлили воспользоваться въ полной мѣрѣ“.

Добавлю къ этому, что полунезависимые киргизы 1755 года едва-ли особенно нуждались въ санкціи су-

¹⁾ М. Энци. Слов. Брокгауза и Ефрона „Калмыки“ стр. 914.

ществовавшего уже у нихъ факта рабовладѣльчества. Этотъ документъ скорѣе можно разсматривать, какъ любопытное выраженіе взгляда тогдашняго русскаго правительства на взаимныя отношенія башкиръ и киргизовъ. А эти взгляды шли, какъ мы видѣли выше, на встрѣчу однихъ безпокойныхъ инородцевъ, желавшихъ разбить и поработить себѣ другихъ настолько же безпокойныхъ, какъ и первые... Гораздо позже, съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, когда русское вліяніе въ киргизской степи возросло и окрѣпло, русскія власти безплодно стремились къ ограниченію существовавшаго у киргизовъ рабства. Правда, стремленія эти были слабы и безпочвенны, такъ какъ находились въ противорѣчій съ общимъ духомъ времени, представлявшимъ разцвѣтъ русской крѣпостной эпохи, но всетаки это было уже вліяніемъ сильнаго правительства на своихъ подданныхъ. И киргизскіе рабовладѣльцы, высказывая свои притязанія на тѣхъ или другихъ лицъ, какъ на своихъ рабовъ, никогда не ссылались (это мы увидимъ ниже изъ послѣдующаго изложенія) въ подтвержденіе своихъ правъ на тѣ или другіе русскіе государственные акты, *положившіе начало или узаконившіе* рабство въ киргизской степи. Наоборотъ, русскія власти должны были выслушивать отъ рабовладѣльцевъ только заявленія и ссылки ихъ „на древніе киргизскіе обычаи, на давность плѣненія самихъ рабовъ или ихъ предковъ“ и т. п. Не ссылались на эти акты и русскія власти, а въ лучшихъ случаяхъ употребляли все свои старанія выяснить обычныя правовыя воззрѣнія киргизовъ на рабовъ, и затѣмъ уже рѣшали дѣло въ духѣ этихъ воззрѣній, подкрѣпляя свои распоряженія ссылкой „на древніе степные, т. е. киргизскіе законы и обычаи“...

Само русское правительство выкупало изъ киргизскаго плѣна своихъ подданныхъ (преимущественно русскихъ же) и не только не препятствовало русскимъ

подданнымъ приобрѣтать рабовъ отъ киргизовъ, но особыми актами регламентировало способы и приемы покупки азіатскихъ рабовъ. Интересный въ этомъ отношеніи документъ представляетъ собою указъ 9 января 1757 года, копія котораго найдена нами въ архивныхъ дѣлахъ бывшаго семипалатинскаго окружнаго начальника. Въ этомъ указѣ говорится:

„По разсужденію Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, при-
„возимыхъ киргизъ-кайсаками въ Ямышевскую и Се-
„мипалатинскую крѣпости (гдѣ съ ними, киргизъ-кай-
„саками съ сибирской стороны торгъ производить) *раз-*
„*ныхъ націй плѣнниковъ всякаго званія людямъ покупать и*
„*на товары вымѣнивать,* а по покупкѣ крестить и объ-
„являть немедленно, и съ продавцами ихъ, въ тѣхъ
„крѣпостяхъ командирамъ, а онымъ (т. е. команди-
„рамъ), допрашивая продавцовъ, киргизъ-кайсаковъ,
„давать тѣмъ людямъ, кто у нихъ плѣнниковъ купить,
„съ допросовъ ихъ, продавцовъ, во свидѣтельство,
„что оные плѣнники подлинно куплены или вымѣне-
„ны, а не украдены и силою не отняты, за руками
„своими копіи, описывая при томъ проданныхъ людей,
„лѣта, ростъ и природныя примѣты. А потомъ тѣхъ
„купленныхъ людей, какъ оные пообучаются росій-
„скому языку, однако-жъ не далѣе 3-хъ лѣтняго отъ
„покупки ихъ времени, объявить въ губернскихъ и
„воеводскихъ канцеляріяхъ и съ тѣми письменными
„о покупкѣ ихъ свидѣтельствами. А въ тѣхъ канце-
„ляріяхъ таковыхъ, покупаемыхъ отъ киргизъ-кай-
„сакъ людей, допрашивать и давать уже на нихъ и вла-
„дѣнные выписи. А которымъ изъ таковыхъ плѣнни-
„ковъ отъ роду будетъ менѣе 12 лѣтъ, а описанныя
„въ данныхъ изъ крѣпостей свидѣтельствахъ примѣ-
„ты на нихъ явятся сходственными, на такихъ и безъ
„допросовъ ихъ выписи давать же. Въ прочемъ,
„всѣмъ отъ киргизъ кайсаковъ покупаемымъ плѣнни-
„камъ, у такихъ людей, которымъ, по указамъ, крѣ-

„постныхъ людей имѣть не велѣно, быть крѣпкими по смерти у оныхъ покупающихъ ихъ, плѣнниковъ, людей, а по смерти ихъ давать имъ волю. А которые изъ нихъ не хотятъ ихъ, плѣнниковъ, держать, (а) пожелаютъ продать, -- и имъ тѣхъ людей продавать россиянамъ такимъ, которымъ позволено имѣть дворовыхъ людей. И быть имъ по тѣмъ про- дажамъ крѣпкими вѣчно и вольно ихъ уже другимъ продавать и въ рекруты отдавать. Однако-жъ всѣхъ таковыхъ въ подушный окладъ не писать, а дѣтей ихъ, въ Россіи рожденныхъ, класть и въ подушный отрядъ съ прочими наряду. А между себя купцамъ и прочимъ разночинцамъ, которымъ крѣпостныхъ людей не надлежитъ, таковой перепродажи не чинить. Отъ правительствующаго сената повелѣно: „быть о томъ во всемъ“. По тому, коллегіи иностранныхъ дѣлъ, представленію, токмо такимъ, покупаемымъ у (самихъ) киргизъ-кайсаковъ азіатскимъ плѣнникамъ російскими купцами быть за тѣми купцами вѣчно и давать на нихъ (плѣнниковъ) выписи¹⁾“.

Силою приведеннаго указа пользовались русскіе люди, между прочимъ и жители г. Семипалатинска. Сохранилось „дѣло“, относящееся къ періоду съ 26 ноября 1823 года по 3 февраля 1824 года, т. е. къ тому времени, когда уже былъ изданъ Уставъ о сибирскихъ киргизахъ 22 Іюля 1822 года, тогда еще не введенный въ дѣйствіе. Названное дѣло было быстро рѣшено со ссылками на приведенный мною указъ 1757 г. и другіе. Рабовладѣльцомъ явился семипалатинскій мѣщанинъ Яковъ Тороповъ, а работою—мальчикъ калмыцкой породы Кичкантай, превратившійся, ко времени возникновенія „дѣла“, въ 28-лѣтняго Якова Сергѣева.

Дѣло началось съ того, что вдова вѣрноподданнаго

¹⁾ Орфографія и знаки препинанія въ текстѣ указа-моей. Ф. 3.

киргизца Байджигитова (вѣдѣнія старшины Эмаузскаго улуса Алчинбая Теленчина) Каламкаса въ 1823 году подала генераль-губернатору Западной Сибири Капцевичу прошеніе, въ которомъ ходатайствовала объ освобожденіи отъ рабства 28-лѣтняго сына ея Кичкантая, названнаго при крещеніи Яковомъ Сергѣевымъ. Названный Кичкантай, по словамъ прошенія, былъ 11 лѣтъ тому назадъ проданъ своимъ отцомъ семипалатинскому мѣщанину Якову Торопову, между тѣмъ владѣлецъ въ настоящее время не имѣетъ установленнаго въ такихъ случаяхъ документа и потому означенный рабъ его Кичкантай долженъ быть освобожденъ отъ рабства.

Семипалатинская ратуша, по требованію семипалатинскаго окружнаго начальника, требовала отъ Якова Торопова выписи на владѣніе Кичкантаемъ. Тороповъ заявилъ, что такая выпись была совершена имъ въ 1817 году въ томскомъ гражданскомъ и уголовномъ судѣ, но выкрадена у него изъ дому неизвѣстно кѣмъ, сохранилась только копія этой выписи при дѣлахъ самого окружнаго начальника. Принимая во вниманіе, что „дворовый человѣкъ“ Яковъ Сергѣевъ домогается вольности и хотя ему узаконенныхъ лѣтъ нахожденія у Торопова не минуло, Тороповъ, не смотря на это, нежелаетъ удерживать его при себѣ противъ его воли („въ противность упорства его“), а имѣетъ намѣреніе дать ему свободу и проситъ поэтому удовлетворить его слѣдующими въ награду по Высочайшему повелѣнію 8 февраля 1822 года деньгами, по полученіи которыхъ онъ дастъ Якову Сергѣеву отпускную.

Въ качествѣ любопытнаго документа на владѣніе человѣкомъ привожу дословно „выпись“, о которой только что упоминалось.

„По указу Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго дана сія изъ Томскаго гражданскаго и уголовнаго суда по прошенію семипала-

„тинскаго мѣщанина Якова Торопова на имя семипала-
„тинскаго мѣщанина Максима Торопова-жъ на вла-
„дѣніе вымѣненнымъ при семипалатинской погранич-
„ной таможенѣ калмыцкой породы мальчикомъ по азіат-
„скому названію Кичкантаемъ, а по крещеніи Яковомъ.

„Изъ представленныхъ при прошеніи документовъ
„значится: въ свидѣтельствѣ, данномъ 1814 г. мая 9
„дня изъ семипалатинской пограничной таможни на
„имя семипалатинскаго мѣщанина Максима, Яковлева
„сына, Торопова, въ томъ, что 1814 г. апрѣля 21 дня
„вымѣнялъ онъ отъ пріѣхавшихъ изъ за границы,
„Уваковской волости, вѣдѣнія старшины Карачулака
„Баянова, киргизца Дулата Баянова-жъ, мальчика кал-
„мыцкой породы 13 лѣтняго, по азіатскому названію
„Кичкантая, рожденнаго у того киргизца въ домѣ отъ
„плѣнной калмынки незаконно, за котораго промѣняно
„имъ киргизцу товаровъ, объявленныхъ таможенѣ того
„же числа, а именно: юфти яловочной красной, лучшей
„руки, двѣ кожи по десяти рублей, котикъ морской
„одинъ въ 10 рублей, сундучковъ подъ жестію—тройни-
„ковъ—не большихъ три по 5 р. каждый, а всего по
„цѣнѣ на 45 р., въ чемъ означенному Торопову и дано
„съ приложеніемъ казенной печати изъ оной таможни
„за подписаніемъ присутствующаго свидѣтельство. Въ
„допросѣ, отобранномъ 1814 года мая 9 дня въ крѣ-
„пости семипалатинской при пограничныхъ дѣлахъ,
„продавецъ киргизецъ Дулатъ Баяновъ, чрезъ пере-
„водчика губернскаго секретаря Бубеннова, показалъ,
„что онъ, Баяновъ, семипалатинскому мѣщанину Мак-
„симу Торопову мальчика калмыцкой породы, 13 лѣт-
„няго, по ихъ прозванію Кичкантая, дѣйствительно на
„объявленные тѣмъ Тороповымъ семипалатинской по-
„граничной таможенѣ товары всего по цѣнѣ на 45 руб.,
„промѣнялъ, что и получилъ сполна. Означенный маль-
„чикъ родился въ домѣ его, Баянова, отъ плѣнной
„калмынки незаконно, промѣнялъ же онъ его не изъ

„принужденія какого либо, насильно не отнять, а по добровольному его согласію, съ котораго впредь вступать и просить нигдѣ и никогда не будетъ, въ чемъ для лучшаго удостовѣренія, а равно и въ томъ, что оный мальчикъ дѣйствительно родился у него въ домѣ и калмыцкой породы, во свидѣтельство представлялъ старшинъ: Карачулака Баянова и Еркына Утеганова. И какъ продавецъ, равно и свидѣтели приложили—первый тамгу, а послѣдніе печати, почему тотъ калмыченочъ, по азіатскому названію Кичкантай, при тѣхъ пограничныхъ дѣлахъ, въ присутствіи господина полковника Русановича, свидѣтельствовавъ, оказался: лицомъ смугль, волосы и брови темнорусые, глаза каріе, на шеѣ противъ затылка отъ посяку рубецъ, на лѣвой сторонѣ шеи на обоихъ плечахъ по природному пятну, на правой рукѣ выше локтя бѣлый продолговатый рубецъ, на лѣвой ногѣ по ляшкѣ отъ болѣзни черное пятно. Росту 1 аршинъ 15 вершковъ, отъ роду долженъ быть 13 лѣтъ.“

„Въ свидѣтельствѣ, данномъ сего 1817 года генваря 16 дня изъ семипалатинскаго духовнаго правленія въ томъ, что калмыченочъ, по азіатскому названію Кичкантай, прошлаго 1815 года мая 14 дня семипалатинской Знаменской церкви священникомъ Никитою Дерябинымъ святымъ крещеніемъ просвѣщенъ съ нареченіемъ имени Яковомъ. Потомъ оный калмыченочъ Яковъ генваря 18 числа въ присутствіи семипалатинской ратуши въ ростѣ, лѣтахъ и примѣтахъ свидѣтельствовавъ и оказался: лицомъ смугль, и т. д. перечисляются тѣ же примѣты, что и выше.... росту 2 арш. 2¹/₄ верш., отъ роду примѣрно быть долженъ 16 лѣтъ.

„А указомъ 28 октября 1808 года повелѣно: пунктомъ 1-мъ—вмѣсто взимаемыхъ нынѣ въ казну нашу крѣпостныхъ пошлинъ съ купчихъ крѣпостей, государственныхъ записей и др. тому подобныхъ, рав-

„ную силу и дѣйствіе имѣющихъ актовъ, по 5 про-
„центовъ на 100 съ цѣны покупаемаго или инымъ об-
„разомъ отъ одного владѣльца къ другому переходя-
„щаго имѣнія взимать отвынѣ по 6 проц. на сто. 2 мѣ-
„—поступившіе по прежнимъ узаконеніямъ при письмѣ
„купчихъ, дарственныхъ записей, духовныхъ завѣща-
„ній и др. т. подобныхъ актовъ, разные и подъ раз-
„ными наименованіями канцелярскіе сборы отъ пись-
„ма купчихъ, отъ записи въ книгу, за печать и за
„излишнія страницы въ письмѣ, всѣ вообще навсегда
„отмѣнить. А неуравнительные, подлежащіе разнооб-
„разнымъ расчетамъ и толкованіямъ и вмѣсто того
„отъ каждой купчей, дарственной записи, духовнаго
„завѣщанія и т. п. актовъ, при самомъ оныхъ совер-
„шеніи или являѣ брать безъ всякаго расчета въ пись-
„мѣ и въ страницахъ равнымъ числомъ по 10 руб. и
„болѣе того ничего не платить и не требовать.

„Опредѣлено: Какъ изъ прописанныхъ выше сего
„данныхъ изъ семипалатиской пограничной таможи
„1814 года мая 9 дня свидѣтельствѣ и отъ погранич-
„ныхъ дѣлъ допросѣ значится, что при вымѣнѣ кал-
„мыченка, по азіатскому названію Кичкантая, а по
„крещенію Якова, повелѣнный указомъ 1757 года ген-
„варя 9 дня порядокъ выполненъ, явка къ свидѣтель-
„ству въ ростѣ, лѣтахъ и примѣтахъ въ семипалатин-
„скую ратушу исполнена до минованія 3 годичнаго
„термина, а потому семипалатинскому мѣщанину Мак-
„симу, Яковлеву сыну, Торопову на означеннаго кал-
„мыченка Якова, на основаніи прописаннаго 1757 г.
„генваря 9 дня указа, дать вѣчновладѣнную выпись,
„при чемъ взыскать въ казну положенныхъ указомъ
„1808 г. октября 28 числа съ цѣны промѣнянной за
„того калмыченка 45 р. пошлинѣ по 6 коп. съ рубля
„2 руб. 70 коп., да лотъ письма и прочаго единовре-
„менно 10 р., а всего 12 р. 70 коп., которые и взы-
„сканы февраля 15 дня 1817 года. Подлинную подпи-

„сали— совѣтникъ кавалеръ Гороховъ, ассесоръ Иванъ Гуляевъ, ассесоръ Александръ Чернозаводскій, засѣдатель Андрей Ведениковъ, секретарь Дмитрій Гуляевъ и столоначальникъ 14 класса Афанасьевъ“.

Повидимому, между прошеніемъ вдовы Каламкасы и данными приведенной выписи, есть нѣкоторыя разногласія. Въ прошеніи Кичкантай именуется сыномъ родителей киргизовъ, сыномъ вдовы вѣрноподданнаго киргиза Вайджигитова, а въ запродажномъ документѣ онъ иначе не называется, какъ калмыченкомъ отъ матери плѣнной калмычки. Въ прошеніи Каламкасы говорится о томъ, что Кичкантай былъ проданъ отцомъ, а между тѣмъ договоръ съ Тороповымъ заключалъ Дулатъ Баяновъ. Не для облегченія ли сбыта киргизъ Кичкантай былъ превращенъ въ плѣннаго калмыченка??

Такъ или иначе, рабство его вскорѣ окончилось. По распоряженію омскаго областного начальника, отъ 3 февраля 1824 года, Кичкантай былъ освобожденъ отъ рабства, а владѣльцу его, Торопову, было уплачено изъ казны 150 руб. Отъ Кичкантая при освобожденіи отобрана „сказка“ о томъ, къ какому роду жизни желаетъ онъ записаться, но самой „сказки“ при дѣлахъ не оказалось.

II.

Описанный въ предъидущей главѣ порядокъ пріобрѣтенія малолѣтнихъ азіатскихъ плѣнниковъ путемъ обмѣна на тѣ или другіе товары былъ довольно распространенъ и часто практиковался въ Западной Сибири до истеченія первой четверти XIX столѣтія. Память о купленныхъ или вымѣненныхъ азіатскихъ рабахъ во многихъ мѣстностяхъ Сибири сохранилась въ народѣ и по настоящее время въ довольно таки

оригинальной формѣ поговорки. Во многихъ мѣстностяхъ Сибири существуетъ укоризненное, почти бранное слово *обмѣнь*, превратившееся въ просторѣчій въ *оммѣнь*, подобно тому какъ *обминъ* въ произношеніи простолюдина-сибиряка звучитъ какъ *омманъ*. Подъ названіемъ *обмѣна* и прослылъ у сибиряковъ азіатскій плѣнникъ и въ такой формѣ вошелъ въ поговорку, которую нерѣдко случалось слышать и въ Тобольской, и въ Томской губерніи; вѣроятно, употребляется она и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири. Поговорка эта: *молчишь, какъ обмѣнь* примѣняется въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, на обращенную къ нему рѣчь, не даетъ никакого отвѣта, ничѣмъ не выражая собесѣднику своихъ мыслей. Въ этомъ случаѣ, онъ ведетъ себя, какъ *обмѣнь*, молчишь, какъ *обмѣнь*, т. е. азіатскій рабъ, не знавшій обыкновенно ни слова по русски. Въмѣсто того, чтобы сказать: „на человѣка столбнякъ нашелъ“ въ Сибири говорятъ: онъ стоитъ какъ „обмѣнь“ и обозвать кого либо „обмѣномъ“ значить завѣдомо обидеть браннымъ словомъ.

Повидимому, обычаи обмѣна и продажи рабовъ настолько приучили киргизовъ къ этому виду коммерческихъ сношеній съ русскими, что даже въ 1835 году русское правительство нашло необходимымъ издать особая правила о способахъ къ призрѣнію дѣтей, привозимыхъ киргизами на Оренбургскую и Сибирскую линіи и оставляемыхъ на мѣновыхъ дворахъ. Этими правилами пограничнымъ таможеннымъ и заставамъ вмѣнено было въ обязанность принимать во всякое время оставляемыхъ киргизами дѣтей безъ всякаго вознагражденія привозителей. Дѣтей этихъ рекомендовалось раздавать русскимъ зажиточнымъ людямъ для воспитанія въ христіанской вѣрѣ до 25—лѣтняго возраста, когда воспитанниковъ записывать въ податное состояніе или въ казаки съ 10—лѣтнею льготою отъ податей. Если желающихъ взять на воспитаніе не най-

дется, то мальчиковъ отдавать въ кантонисты, а дѣвочекъ въ заведенія общественнаго призрѣнія. Наблюдать, чтобы подъ предлогомъ дозволеннаго призрѣнія киргизскихъ дѣтей не былъ вновь какимъ либо образомъ допущенъ запрещенный торгъ дѣтьми азіатовъ.¹⁾

Съ упроченіемъ вліянія русской власти, порядки киргизской степи мало по малу мѣняются. Не смотря на все несовершенство общественнаго строя дореформенной Россіи 30 годовъ, все-жъ таки, по сравненію съ неорганизованной киргизской ордой, это былъ строй жизни высшаго порядка. Какъ ни суровы подчасъ были условія русской жизни, но все же, въ большинствѣ случаевъ, отношенія сословій и отдѣльных лицъ другъ къ другу были регламентированы законами. Царившій произволъ и попираніе человѣческихъ правъ давно осуждался лучшими русскими людьми (а такихъ было много) и само правительство шло по пути необходимыхъ реформъ. Извѣстно, что Императоръ Николай I, считая крѣпостное право зломъ, принималъ мѣры къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Не то было въ киргизской степи, еще недавно бывшей ареной частыхъ кровопролитныхъ столкновеній однихъ дикихъ племенъ съ другими. Торжество побѣдителя! Право сильного! Горе побѣжденнымъ! вотъ устой степной жизни. Быть можетъ, нѣкоторымъ сдерживающимъ началомъ для сильныхъ служило родовое устройство народа, но при многочисленности родовъ и ихъ отдѣленій едва ли и этотъ факторъ былъ настолько могучъ, чтобы въ полной мѣрѣ обезпечивать жизнь, свободу и право собственности кочевого народа. Я уже не говорю о представителяхъ различныхъ

¹⁾ Пам. кн. Зап. Сиб. 1881 г. стр. 106. И. И. Крафтъ. Сборн. узак. о киргиз. прилож. стр. 167.

чуждыхъ другъ другу племень, искони враждовавшихъ между собою.

Поворотнымъ пунктомъ въ жизни киргизской степи, начавшимъ собою второй періодъ въ исторіи рабства, было изданіе и постепенное осуществленіе Устава о сибирскихъ киргизахъ 22 іюля 1822 года. На основаніи этого Устава въ 1824 году былъ открытъ первый внѣшній округъ управленія сибирскими киргизами— Каркаралинскій¹⁾, а въ 1831 году Аягузскій (впослѣдствіи Сергіопольскій)²⁾, и т. д., просуществовавшіе до 1869 года.

При устройствѣ округовъ кочевья киргизовъ были раздѣлена на *аулы* (50—70 кибитокъ), 10—12 ауловъ составляли *волость*, изъ 15—20 волостей, преимущественно одного города, образованы *округа*. Аулы управлялись *старшинами*, избираемыми на 3 года; волости— *султанами* наследственно. Во главѣ управленія округомъ стоялъ *старшій султанъ*, избираемый султанами изъ своей среды на 3 года. Старшій султанъ былъ председателемъ окружнаго приказа, въ составъ котораго входили, въ качествѣ членовъ приказа, особые *засѣдатели*: 2 русскихъ чиновника по назначенію областного начальника и 2 изъ почетныхъ киргизовъ, по избранію бѣевъ и старшинъ срокомъ на 2 года.

Привожу здѣсь эти общеизвѣстныя свѣдѣнія для полноты и напоминанія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ старшихъ султановъ въ дальнѣйшемъ изложеніи нашего очерка играютъ очень замѣтныя роли.

Закономъ было установлено: „Невольники, до 22 іюля 1822 г. находившіеся у киргизовъ, остаются при ихъ владѣтеляхъ съ правомъ продажи, передачи и наследственнаго владѣнія, но съ того времени строго

¹⁾ И. И. Крафтъ, стр. 153.

²⁾ Пам. Кн. Сем. обл. на 1900 г. стр. 27.

запрещено вновь приобрѣтать въ неволю природныхъ киргизовъ“ (ст. 799).

Для приведенія въ исполненіе названнаго закона, вновь открываемымъ тогда окружнымъ приказамъ было вмѣняемо въ обязанность—вести списки невольниковъ, состоящихъ въ рабствѣ у киргизовъ того или другого округа. Въ копіи книги о невольникахъ у киргизовъ Аягузскаго внѣшняго окружнаго приказа за 1834 годъ найденъ нами интересный „списокъ невольниковъ“, который мы и приводимъ здѣсь, почти цѣликомъ.

У султана Матаевской волости Даута Мамырханова оказывалось во владѣніи 5 семей невольниковъ и дѣвушка 14 лѣтъ, всего 12 душъ мужескаго пола и 7 женщинъ. Въ графѣ: „къмъ, какимъ образомъ, когда приобрѣтены сіи невольники и по какому праву достались они настоящимъ владѣльцамъ?“ говорится о названныхъ невольникахъ (рабахъ) Даута:

„Отцы показанныхъ невольниковъ мужескаго пола *куплены отъ калмыковъ* отцомъ настоящаго владѣльца султаномъ Мамырханомъ Коченовымъ 80 лѣтъ тому назадъ (1754 г.). *Достались* настоящему владѣльцу за смертію отца его *по наслѣдству*, а дѣвка Кунукей *подарена* Мамырханову *въ знакъ дружбы* киргизцемъ біемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1834 года, но какимъ образомъ та дѣвка приобрѣтена біемъ, того неизвѣстно. Жены же рабовъ сихъ изъ киргизскаго происхожденія, вышедшія за нихъ на обыкновенномъ степномъ обычаѣ“. Изъ 19 невольниковъ, приписанныхъ къ султану Дауту, при немъ состояло только 7 человекъ (2 семейства и дѣвка Кунукей), а остальные 12 человекъ, по объясненію владѣльца, находятся кочевкою по правую сторону Иртыша близъ г. Семипалатинска, куда они были увезены насильственнымъ образомъ назадъ тому 21 годъ (!) (въ 1813 г.) переводчикомъ Андреемъ Бубенновымъ.

Значить, султанъ Даутъ большинствомъ своихъ „ра-

бовъ“ владѣль только въ мечтахъ! Но это былъ исключительный султанъ.

У старшины той же волости Кенделы Калыбасова оказался 1 невольникъ, о которомъ сказано, что отецъ его былъ приобрѣтенъ дѣдомъ настоящаго владѣльца.

У султана Назаровской волости Ишима Ючина значилось по списку 39 слугъ, составлявшихъ 8 семей: 24 лица мужскаго пола и 15 женщинъ. Одинъ изъ невольниковъ Ишима назывался Джабача Алексѣевъ и имѣлъ 2 жены. О немъ сказано: „Джабача, будучи рожденъ отъ слуги Алексѣя, принадлежавшаго брату владѣльца, по распоряженію матери ихъ, поступилъ во владѣніе Ишима въ 1825 году“. 1 невольникъ достался отцу владѣльца въ 1787 году *за долгъ*, бывший *на отцѣ* этого невольника. Двое получены въ 1784 и 1801 г.г. *отъ общества* Буринской и Альтекесаринской волостей *за воровство* скота владѣльца (баранту); одинъ остался отъ невольника отца, *купленного* въ 1779 году, трое достались отъ калмыковъ отцу жены владѣльца, а отъ него поступили *въ приданое* за нею въ 1816 г., одинъ достался отъ калмыковъ, но по какому случаю — неизвѣстно. Жены невольниковъ Ишима „взяты отъ вольныхъ киргизъ на обычаяхъ степныхъ“. Всѣ 39 слугъ состояли при владѣльцѣ.

За бѣемъ той же волости Утенбердинымъ—1 слуга Чана Шанхаевъ; онъ былъ *купленъ за 16 кобылъ* назадъ тому 7 лѣтъ (въ 1827 г.) у киргиза Кырджинской волости, который, будучи братомъ отцу слуги—Шанхаю, вынужденнымъ нашелся удовлетворить долги его и, за побѣгомъ отца изъ волости, продалъ сына его, своего племянника, Чану.

У вдовствующей султанши Кокъ-Абулфеизовой (матери покойнаго старшаго султана Сарта Ючина) считалось и при ней находилось 7 слугъ—4 мужчины и 3 женщины. Изъ означенныхъ слугъ одинъ купленъ у торговаго ташкентца покойнымъ сыномъ владѣтель-

ницы и отданъ ей во владѣніе въ 1808 году (при немъ жена и 2 сына). Одна женщина *пріобрѣтена отъ калмыковъ* отцомъ мужа султанши Абулфеизомъ, но когда и какимъ образомъ неизвѣстно. Абулфеизъ принесъ ее въ *подарокъ* владѣтельницамъ около 60 лѣтъ тому назадъ (1774 г.).

У другой вдовы султанши Садеть Ючиной (жены названнаго Сарта Ючина) было 12 слугъ: 4 семьи, состоявшія изъ 8 мужчинъ и 4 женщинъ. Одинъ слуга (при немъ жена и 2 сына) взятъ покойнымъ султаномъ Сартонъ изъ Тобуклинской волости отъ общества рода Джувантаяковского *за произведенную этимъ обществомъ* въ 1809 году *баранту* лошадей, къ настоящей владѣтельницамъ перешелъ послѣ смерти мужа по наслѣдству. Одинъ слуга (при немъ жена) происходилъ отъ слуги, котораго въ 1800 году султанша *привела* съ собою *въ приданое* отъ отца ея султана Адила, а при какихъ обстоятельствахъ этотъ султанъ *пріобрѣлъ* отца слуги — неизвѣстно. 1 невольница вдова (при ней сынъ) куплена тюленгутомъ Сарта Ючина по имени Тарчи у киргиза Муруновской волости Чоная въ 1804 году и *за долгъ* отдана Ючину. Одинъ слуга (при немъ жена и 2 сына) купленъ дѣдомъ мужа владѣтельница Абулфеизомъ отъ киргиза Каджие батыря, происходящаго изъ такъ называемыхъ черныхъ киргизъ, въ 1782 году. Оба послѣдніе слуги къ настоящей владѣтельницамъ перешли по наслѣдству.

При султанѣ Муруновской волости Калифанъ Ючинъ состояло 29 человекъ рабовъ: 5 семей изъ 18 лицъ мужескаго пола и 11 женщинъ. Три невольника (при нихъ 3 жены, 8 сыновей и 2 дочери) *пріобрѣтены отъ калмыковъ* отцомъ настоящаго владѣльца Ючею Абулфеизовымъ, но какимъ образомъ и когда-настоящему владѣльцу неизвѣстно, такъ какъ онъ получилъ ихъ по наслѣдству 18 лѣтъ тому назадъ (1816 г.). Два другихъ невольника главы семей, *куплены* султаномъ Ка-

лифаномъ у старшаго султана Каркаралинскаго приказа Турсуна Чингизова въ 1816 году (при нихъ 2 жены, 5 сыновей и 4 дочери).

При султанѣ Турсунѣ Ючинѣ состоялъ 1 невольникъ съ женою и сыномъ. Означенный невольникъ поступилъ къ брату настоящаго владѣльца въ *приданое* за женою отъ султана Татень Урусова въ 1812 году и того же года *по братской пріязни подаренъ* Турсуну, который впоследствии женилъ его на киргизской дочери.

При султанѣ Джанекеѣ Ючинѣ состояло 8 слугъ — 2 семьи изъ 3 лицъ мужескаго пола и 5 женщинъ. Одинъ невольникъ *принятъ* настоящимъ владѣльцемъ въ аицъ (пеню) за воровство скота отъ киргиза Булатчинской волости Кійсыка въ 1820 году, а другой слуга (при немъ жена и сынъ) поступилъ въ *приданое* за женой отъ владѣльца киргиза Басентеинской волости султана Урусова въ 1818 году. Жены сихъ слугъ, по обыкновенію, вольныя киргизки, вышедшія въ замужество по степному обычаю.

При султанѣ Шамратѣ Ючинѣ находилось 62 невольника, изъ которыхъ *Алексѣй* приобрѣтенъ отъ калмыковъ дѣдомъ настоящаго владѣльца ханомъ Аблаемъ, данъ въ приданое въ 1792 году. Дѣти Алексѣя, внуки и правнуки его также сдѣлались слугами. Двое слугъ — Сиванбай и Байджигитъ подарены отцу владѣльца Ючѣ киргизскимъ ханомъ Булатомъ Абульмамбетевымъ въ томъ же году. Одинъ поступилъ въ приданое за женою владѣльца отъ отца ея, султана Большой орды, Кулана Адилева въ 1828 году. Отецъ одного невольника Коянъ (заяцъ) захваченъ отцомъ настоящаго владѣльца отъ каракалпаковъ при набѣгахъ ихъ на киргизовъ ему подвѣдомственныхъ и поступилъ въ рабы назадытому близъ 60 лѣтъ (около 1774 г.).

Одинъ невольникъ, Кубентай, поступилъ къ отцу

настоящаго владѣльца отъ общества Буринской волости за кражу лошадей въ 1793 году киргизами этой волости. Одинъ былъ полученъ въ калымъ за дочь. Жены означенныхъ слугъ взяты отъ вольныхъ киргизовъ на степныхъ обычаяхъ. Изъ 62 рабовъ Шамрата 36 мужчинъ и 26 женщинъ.

У киргиза Сивановской волости состояла въ рабствѣ дѣвка Мунтай, полученная въ калымъ за дочь его 18 лѣтъ тому назадъ (1816 г.).

У бія Джантайляка Байгорина невольница Бекъ-Бикъ, тоже полученная въ калымъ 11 лѣтъ тому назадъ (1823 г.).

У киргиза Убырбека Утепова невольница дѣвка Науча Барабаева поступила въ приданое 10 лѣтъ тому назадъ (1824 г.).

Въ остальныхъ волостяхъ Аягузскаго округа, при устройствѣ ихъ засѣдателями Павлиновымъ и Крайкинымъ, невольниковъ не найдено.

Всего по Аягузскому округу въ 1834 году зарегистрировано 182 невольника, изъ которыхъ 108 мужчинъ и 74 женщины.

Были, вѣроятно, и по другимъ округамъ подобные же „списки невольниковъ“, можетъ быть они и теперь хранятся въ архивахъ нынѣшнихъ уѣздныхъ и др. управленій. Въ такомъ случаѣ было бы желательно, чтобы заключающійся въ нихъ матеріалъ не пропалъ даромъ, а былъ использованъ въ интересахъ исторіи края.

Неосновательно было бы придавать безусловную вѣру всѣмъ даннымъ подобныхъ списковъ. Особенно сомнительными являются хронологическія даты, указывающія время приобрѣтенія невольниковъ. Видимо, владѣльцы невольниковъ были освѣдомлены о существованіи приведенной мною статьи закона о запрещеніи вновь приобрѣтать невольниковъ изъ киргизовъ послѣ 1822 года и потому почти всѣ включенные въ списокъ невольники—давняго происхожденія. Однако

бій назаровской волости Утенбердинъ (см. выше) приобрѣлъ себѣ за 16 кобылъ слугу не ранѣе 1827 года; сверхъ того, въ списокѣ упоминаются и другіе невольники и невольницы, поступившіе въ 1823, 1824 и 1828 г.г.

Крсмѣ невѣрности хронологическихъ датъ списки невольниковъ страдаютъ завѣдомой неполнотой — въ нихъ внесено то, что возможно было внести. Сомнительно, чтобы владѣльцы невольниковъ охотно и откровенно сообщали русскимъ засѣдателямъ *все*, известное имъ о своихъ рабахъ; въ особенности неполны свѣдѣнія о числѣ рабовъ, которыхъ въ дѣйствительности, по всѣмъ вѣроятіямъ, было больше.

Страдая указанными несовершенствами, подобные списки, тѣмъ не менѣе, содержатъ въ себѣ цѣнныя данныя, справедливость которыхъ можетъ быть провѣрена сопоставленіемъ ихъ съ известными твердо установленными историческими и бытовыми фактами.

Среди способовъ приобретенія невольниковъ первое мѣсто, по списку, занимаетъ захватъ или плѣненіе калмыковъ. Купленъ, приобретенъ, достался, перешелъ отъ калмыковъ — вотъ дипломатическія фразы, за которыми скрывается тотъ непрерывный разбой, при помощи котораго киргизы поработами себѣ своихъ исконныхъ враговъ. Встрѣчающіяся въ списокѣ имена невольниковъ — Алексѣя и Урусова указываютъ на присутствіе русскаго элемента среди рабовъ. А это исторически вѣрно. Нѣкоторыя данныя по этому вопросу приведены нами въ первой главѣ.

Изъ списка видно также, при какихъ случаяхъ жизни приобретались и передавались невольники отъ самихъ киргизовъ. При заключеніи брака киргизъ приобретаетъ себѣ невольника или невольницу въ приданое или калымъ за женою. При выдачѣ дочери онъ теряетъ своего невольника, передавая его новому владѣльцу въ калымъ за дочерью. Богатый киргизъ, об-

ладавшій рабами въ количествѣ больше необходимаго, продавалъ ихъ или обмѣнивалъ на скоть и товары другому. Невольникъ шелъ въ подарокъ въ знакъ родства, дружбы и пріязни, его ставили, какъ призъ, на конскихъ состязаніяхъ (байга). Однимъ словомъ, невольникъ, имѣвшій вещную цѣнность, не былъ лишнимъ при какихъ угодно случаяхъ жизни киргиза, представляя собою ходкій и удобный для сбыта товаръ. Природный киргизъ шелъ также въ невольники къ другому богатому киргизу за неоплатный долгъ, бывшій на его отцѣ. Киргизъ дѣлался рабомъ султана другого рода, являясь искупительной жертвой за воровство и грабежъ скота (баранту), произведенные обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ.

Всѣ эти указанія списка также не подлежатъ сомнѣніямъ, такъ какъ основаны на дѣйствительныхъ случаяхъ жизни и освящены преданіями и обычаями киргизовъ. Въ одномъ изъ вариантовъ сказки о Идыге, записанной Г. Н. Потанинымъ, описывается слѣдующій эпизодъ.

„Жили пятеро братьевъ, жили они очень бѣдно. Однажды козы старшихъ братьевъ потравили у соседей ниву и всю вину свалили на младшаго. Владелецъ нивы пошелъ съ жалобой къ хану и старшіе братья оправдались, а младшій былъ вынужденъ пойти на четыре года въ работники къ владельцу нивы“¹⁾.

Конечно, отъ четырехъ лѣтъ пребыванія въ работахъ еще далеко до рабства, но надо также принять во вниманіе, что и проступокъ, за которымъ послѣдовало это наказаніе,—былъ только простою потравой.

И такъ, человѣкъ, попавшій въ положеніе киргизскаго раба, переставалъ быть человѣкомъ, одареннымъ свободной волей и желаніями, а цѣнился какъ вещь,

¹⁾ „Жив. Стар.“ в. IV за 1897 г. стр. 298.

наравнѣ съ баранами и другимъ скотомъ, составляющимъ главное богатство кочевника.

Какое же примѣненіе дѣлали изъ него киргизскіе рабовладѣльцы въ своемъ домашнемъ быту, такъ какъ первую обязанностью раба было постоянно находиться при владѣльцѣ и быть въ его полномъ распоряженіи?

Помимо удовлетворенія тщеславія и помыканія по своему произволу подвластными людьми, о чемъ много уже упомянуто въ самомъ началѣ очерка, рабство въ киргизской степи, конечно, имѣло подъ собой еще болѣе существенную подкладку—экономическую: рабы прежде всего были даровыми и неприхотливыми работниками своего владѣльца; рабочими, которые по самому положенію безотвѣтныхъ рабовъ, отдавая все, что могли отдать, лишены были возможности предъявлять къ своему хозяину тѣ или другія требованія или претензіи. Они пасли и оберегали огромныя стада барановъ и лошадей, устраивали баранту, дрались за своего хозяина съ врагами его и недругами, лично прислуживали ему какъ въ обыденной жизни, такъ и во время различныхъ церемоній и празднествъ, отъбывая этимъ его превосходство надъ прочими представителями своей среды.

Въ случаѣ неповиновенія невольниковъ рабовладѣльцы прибѣгали къ жестокостямъ. Не сдерживаемые никакими правилами, они невозбранно чинили какъ судъ, такъ и расправу, и самая жизнь рабовъ, находившихся въ ихъ рукахъ и власти, не была ничѣмъ гарантирована. Такъ, въ 1833 г. старшій султанъ Турсунъ Чингисовъ держалъ подъ арестомъ и „всячески угнеталъ“ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ около десятка киргизовъ за неповиновеніе ему. Впослѣдствіи же оказалось, что эти киргизы были людьми свободными и султану безъ всякаго основанія вздумалось считать ихъ своими рабами. Одинъ изъ этихъ мнимыхъ рабовъ, томившихся подъ арестомъ, такъ пи-

салъ о положеніи себя и своихъ товарищей по несчастью: „Пользуясь властью старшаго султана, онъ почасту призываетъ насъ въ домъ дивана (т. е. приказа) и безвинно наноситъ намъ *личные (?) побои*. Намъ слѣдовало бы заявить объ этомъ дивану, но не смѣемъ, такъ какъ защита отъ дивана послѣдуетъ не для насъ, а для Джамантая (Турсуна Чингисова, какъ предсѣдателя и начальника этого приказа). Мы надѣялись, что прибытіе ваше (судебнаго слѣдователя Скорины) послужитъ намъ защитою, но нѣтъ! и при васъ даже находившіяся при насъ для пропитанія дойныя кобылы въ одно время имъ, султаномъ, угнаты нагло. А когда возвратились ѣздившіе отъ насъ съ просьбой къ губернатору 2 человека, онъ напалъ на аулъ нашъ, отнялъ ассигнаціями 500 руб. и 25 лошадей. Для объявленія о таковой обидѣ приходили въ приказъ изъ нашихъ семействъ 15 женъ, но никакой защиты не получили.“ Другой султанъ, Чама Аблайхановъ, считавшій нѣкоего Култая Утенева отложившимся отъ него рабомъ, какъ только представился случай, схватилъ этого Култая и жестоко избилъ его съ помощью своихъ тюленгутовъ, а послѣ того „Култаю разрубили (вѣроятно, ранили) голову и, надѣвши на него арканъ, волокли въ другое мѣсто, черезъ довольное пространство, а потомъ посадили по грудь въ выкопанную яму“. Каркаралинскій окружный приказъ свидѣтельствовалъ, что подобныя жестокости со стороны султана Чама „не были единственными и были еще гораздо важнѣйшія, значущіяся по дѣламъ приказа“.

Таково было положеніе киргизскихъ рабовъ въ рукахъ своихъ жестокихъ хозяевъ. Данная правительствомъ въ руки султановъ власть еще болѣе увеличивала зло. Дошло до того, что, пользуясь этою властью, султаны въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія стали приписывать себѣ свободныхъ киргизовъ на положеніе своихъ рабовъ, а когда послѣдніе апеллиро-

вали къ русской власти, султаны не брезговали никакими средствами для приведенія жалобщиковъ въ покорность: долгимъ угнетеніемъ, содержаніемъ подъ арестомъ, побоями, а если это не дѣйствовало, то обманами, подкупами и другими способами старались заставить мнимыхъ рабовъ передъ лицомъ русской власти признать самихъ себя рабами султана, которому во чтобы ни стало хотѣлось имѣть около себя своихъ рабовъ.

III.

Введенное въ уставъ 1822 года выраженіе „невольники“ означало киргизскихъ рабовъ, на всю жизнь прикрѣпленныхъ вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ къ хозяину. Такіе невольники мужчины по киргизски назывались *кулъ*, а невольницы—женщины *кунъ* (куманъ), слова эти ближе всего передаются по русски словами *рабъ* и *рабыня*.

Вскорѣ же по устройствѣ округовъ и открытіи окружныхъ приказовъ русской администраціи пришлось столкнуться съ непредвидѣннымъ явленіемъ киргизской жизни—тюленгутами, положеніе которыхъ уставомъ 1822 года было совершенно не предусматрѣно. Это обстоятельство можетъ до нѣкоторой степени указывать на то, что во время составленія устава и ранѣе этого положеніе тюленгутовъ еще не вызывало необходимости такъ или иначе регламентировать ихъ отношенія къ прочимъ киргизамъ и сами тюленгуты не составляли чего либо выдающагося на общемъ фонѣ киргизской жизни. Отмѣчены группы: султаны, народъ и невольники, но не указаны тюленгуты, а тюленгуты не были невольниками. Одно мѣсто приведеннаго въ предъидущей главѣ списка невольниковъ по Аягузскому округу даетъ даже основаніе думать, что сами тюленгуты приобрѣтали себѣ невольниковъ.

И поэтому въ уставѣ не говорится о тюленгутахъ, какъ особомъ сословіи или родѣ, точно также, какъ ничего не сказано о киреяхъ, найманахъ, аргынахъ и проч. киргизскихъ родахъ. Вопросъ о тюленгутахъ былъ выдвинутъ на сцену послѣдующими событіями внутренней киргизской жизни.

Что же такое представляли собою киргизскіе тюленгуты?

Тюленгутъ (теленгутъ, тулюнгутъ-по нѣкоторымъ авторамъ) слово не киргизское, оно заимствовано киргизами отъ алтайскихъ калмыковъ—теленгетовъ (теленгуты, теленгиты), въ языкѣ которыхъ и теперь сохранилось это слово, какъ обозначеніе своей народности¹⁾. А г. Калачовъ считаетъ даже теленгетовъ племенемъ родственнымъ киргизскому²⁾. Современные киргизы, съ которыми пришлось бесѣдовать объ этимологическомъ происхожденіи слова „тюленгутъ“, считаютъ это слово киргизскимъ, что, помимо незнанія, объясняется также давностью ассимиляціи этого слова въ киргизскомъ языкѣ. Что касается условій, при которыхъ киргизы могли перенять себѣ это чуждое имъ слово когда-то въ давно прошедшія времена, то нѣкотораго легкаго экскурса въ область киргизской исторіи совершенно достаточно для выясненія этихъ условій. Въ народной поэзіи теленгетовъ, какъ пишетъ посѣтившій ихъ въ 1896 году г. Калачовъ, сохранились памятники, удостоверяющіе фактъ близости теленгетовъ къ киргизамъ. Вотъ, напримѣръ, мольба молодого теленгета, на котораго напали пять киргизскихъ разбойниковъ:

¹⁾ Е. И. Луценко I—II кн. „Землевѣдѣнія“ 1898 г. стр. 11, примѣч.

²⁾ „Жив. Ст“ в. III—IV за 1896 г. стр. 489. Дальнѣйшія цитаты стр. 491 и стр. 499.

„Весь скоть, который мой отецъ вскормилъ,
„Отдамъ вамъ, храбрые киргизы,
„А если мало его вамъ,
„Будемъ же еще и друзьями!
„Верблюдовъ, идущихъ такъ плавно,
„Отдамъ вамъ, храбрые киргизы,
„Но если и ихъ вамъ мало,
„Будемъ же еще и друзьями!“

Далѣе теленгетъ предлагаетъ киргизамъ „сестру съ дивными волосами“ и „даже мать съ колыхающею пышною грудью“ и въ добавленіе къ этому опять свою дружбу.

Въ легендѣ о переходѣ теленгетовъ на р. Чую говорится буквально такъ: „Прежде теленгеты жили на „Телецкомъ озерѣ, жили богато, всего у нихъ было „довольно, одно было горе—часто дѣлалъ на нихъ на- „бѣги киргизскій батырь Кочкорбай. Съ воинами своими врывался онъ къ нимъ, со всѣхъ сторонъ закрытый щитами. Многихъ убивали они, многихъ уводили въ плѣнъ“, и т. д.

Значитъ, въ киргизскомъ языкѣ и на киргизской почвѣ слово „тюленгутъ“ первоначально могло означать плѣннаго алтайскаго калмыка—теленгета. Но въ давнія уже времена своей исторіи слову „тюленгутъ“ киргизы стали придавать свое особенное значеніе, по которому человѣкъ, носившій названіе тюленгута, отличался отъ плѣнника, невольника или раба—кула.

Хотя киргизы и обращали плѣнныхъ ими калмыковъ и др. инородцевъ въ рабовъ (куловъ), но это еще вовсе не означаетъ, что было такое время, когда слова *кулъ* и *тюленгутъ* у киргизовъ были синонимами. Одного фонетическаго сходства словъ въ связи съ фактомъ плѣненія теленгетовъ въ данномъ случаѣ совершенно недостаточно для выясненія характера киргизскаго тюленгутизма. Если среди киргизовъ существовали тюленгуты, то и между алтайскими калмыками

существовали и существуют въ настоящее время роды Копчакъ и Найманъ—этимологически вполнѣ соотвѣтствующіе названіямъ родовъ Средней киргизской орды—Кипчакъ и Найманъ. Но это сходство названій, такъ же, какъ сходство тюленгута съ теленгетомъ, не можетъ служить указаніемъ на кровное происхождение, положимъ, киргизовъ—наймановцевъ отъ калмыковъ рода Найманъ, и наоборотъ, а развѣ только указываетъ на общность происхожденія этихъ племенъ (киргизовъ и калмыковъ) отъ однихъ и тѣхъ же общихъ ихъ родоначальниковъ—тюрковъ. Въ подобіе этому и появленіе слова тюленгутъ въ киргизскомъ языкѣ если и можетъ быть объясняемо заимствованіемъ изъ языка теленгетовъ, то самый фактъ существованія киргизскихъ тюленгутовъ не выясняется въ достаточной степени тѣмъ, что въ составъ ихъ входили алтайскіе теленгеты.

На этомъ пока и закончимъ свои разсужденія о происхожденіи слова тюленгутъ и перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какихъ людей изъ киргизовъ сами киргизы называли тюленгутами? каковы были права, обязанности и отношенія киргизскихъ тюленгутовъ къ другимъ своимъ соплеменникамъ—не тюленгутамъ?

Въ видѣ отвѣтовъ на эти вопросы мы сначала приведемъ здѣсь мнѣнія, высказанныя различными авторами о тюленгутахъ, а въ дополненіе къ этимъ мнѣніямъ помѣстимъ извлеченія изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи архивныхъ документовъ.

По мнѣнію Н. А. Аристова¹⁾, тюленгуты—это дружинники прежнихъ хановъ и султановъ, „разсѣянные по всей Средней ордѣ и состоящіе главнымъ образомъ изъ забранныхъ въ плѣнъ и обращенныхъ въ раб-

¹⁾ Жив. Ст. 1896 г. стр. 287 и 372.

ство во время набѣговъ половины XVIII ст. въ Алтай теленгетовъ“.

Позволю себѣ замѣтить, что въ этомъ взглядѣ, выражающемъ собою собирательное мнѣніе разныхъ авторовъ, скрывается нѣкоторое противорѣчіе: разъ тюленгуты дружинники, то они не могли быть въ то же самое время рабами—кулами. Кромѣ того, тюленгуты вовсе не составляли необходимой составной части только одной Средней орды, такъ какъ по Н. А. Аристову же¹⁾ въ составѣ Большой орды находится родъ *Сирчи*, въ числѣ развѣтвленій котораго есть отдѣленіе *Тюленгутъ*. По свидѣтельству г. Харузина, на почвѣ Букеевской орды также образовался родъ тюленгутовъ, были тюленгуты и въ Малой ордѣ (Мейеръ). Что касается происхожденія киргизскихъ тюленгутовъ отъ алтайскихъ теленгетовъ, то это, какъ мы говорили выше, справедливо только въ отношеніи заимствованія названія, — не больше. Помимо высказаннаго, еще нѣкоторыя соображенія по этому пункту, со ссылками на Н. А. Аристова, приведемъ ниже, когда рѣчь зайдетъ о родѣ Тюленгутъ.

По Левшину, тюленгуты-прислужники ханскіе и султанскіе. О нихъ Левшинъ говоритъ: „Мы не составляемъ особыхъ классовъ ни изъ тюленгутовъ, или прислужниковъ ханскихъ и султанскихъ, ни изъ куловъ или невольниковъ“, проводя такимъ образомъ грань между кулами—невольниками и тюленгутами—прислужниками.

По Мейеру, тюленгуты (Малой орды) представляли собою султанскихъ „челядинцевъ“, собиравшихся во время степныхъ смуть около вліятельныхъ султановъ во избѣжаніе наказаній за преступленія, такъ что тюленгуты—это люди, скрывавшіеся отъ преступленій или инородцы и всякій сбродъ. Тюленгутовъ можно

¹⁾ jbid. 1894 г. стр. 397.

бы назвать чѣмъ-то вродѣ крѣпостныхъ людей-- заключаетъ Мейеръ, — „отличавшихся однако всегда отъ рабовъ купленныхъ или военноплѣнныхъ, которыхъ въ прежнее время было у киргизовъ огромное количество“¹⁾.

По Загряжскому, тюленгуты не рабы, но только слуги и работники, они составляли свиту султановъ. То, что манапъ (каракиргизскій дворянинъ) называлъ „джигить“, то въ отношеніи султана тюленгутъ.

Ханыковъ (1849) говоритъ, что тюленгуты составляютъ не принадлежащее ни къ какому роду особое „отдѣленіе“, которое находится въ работникахъ у прочихъ киргизовъ.

Небольсонъ говоритъ, что тюленгутовъ родъ прежде составлялъ „когарту“, дворъ и прислугу хановъ и султановъ и родомъ сталъ лишь впослѣдствіи.

По Терещенкѣ, тюленгуты (1852) разбросаны небольшими группами по всей степи, что также указываетъ, что они нѣкогда кочевали не самостоятельно, но въ извѣстной зависимости отъ своихъ султановъ. Въ памяти киргизовъ до сихъ поръ сохранилось, что въ былое время ханы и султаны клеймили своихъ тюленгутовъ, выжигая на нихъ кремнемъ свои тамги.

Красовскій указываетъ на то, что тюленгуты отдѣлились отъ султановъ одновременно съ освобожденіемъ рабовъ. Султанскіе тюленгуты считались до самаго послѣдняго времени (очевидно до 1859 г.) въ роли крѣпостныхъ людей.

По Крафту, тюленгуты—вѣчные слуги.

Султаны Букеевской орды, добавляетъ г. Харузинъ, хорошо знаютъ, что тюленгуты были работники у султановъ, даже больше, къ тюленгутамъ относились съ извѣстнымъ презрѣніемъ. Сохранилась поговорка

¹⁾ А. Харузинъ. Киргизы Бук. орды, стр. 30, 31 и 32, отсюда же взяты и послѣдующія цитаты.

„туленгутъ, турезде кутъ!“—тюленгутъ, береги своего султана!¹⁾

Наконецъ, спрошенные мною въ разное время киргизы различныхъ родовъ (Кирей, Уакъ, Сиванъ и др.), проживающіе въ г. Семипалатинскѣ и окрестностяхъ, о значеніи слова „тюленгутъ“ дали весьма разнообразныя отвѣты. Одни говорили, что тюленгуты какъ бы крѣпостные, по другимъ—тюленгуты—особый киргизскій родъ, третьи называли тюленгутовъ подчиненными султана: по этому объясненію выходило, что всѣ киргизы, проживавшіе въ волости, управляемой султаномъ, считались его тюленгутами, подобно тому, напр., какъ православные, проживающіе въ томъ или другомъ церковномъ приходѣ, составляютъ по отношенію къ своему священнику прихожанъ. Четвертые даже понимали тюленгутовъ, какъ сосѣдей.

Затѣмъ есть свидѣтельства, по которымъ тюленгуты являются родомъ. Но большинство изслѣдователей согласно въ томъ, что родъ тюленгутовъ во всякомъ случаѣ образованія позднѣйшаго.

По сообщенію одного изъ извѣстнѣйшихъ киргизовъ, бывшего старшаго султана Баянъ-аульскаго окружнаго приказа, Мусы Чорманова, племена Средней орды образовались такъ: У предка всего киргизъ-казацкаго народа Котана было три сына, изъ нихъ Акджолъ—родоначальникъ Средней орды имѣлъ восемь сыновей—4 отъ законной жены—Кипчакъ, Аргынъ, Найманъ и Конгратъ и 4 отъ незаконной—Кирей, Уакъ, Тараклы и *Тюленгутъ*. Незаконные сыновья должны были прислуживать законнымъ и у каждаго изъ нихъ были свои обязанности, причѣмъ Тюленгутъ пасъ лошадей съ пикой въ рукѣ для отраженія барантачей, отчего

¹⁾ Поговорка эта была предложена нами многимъ семипалатинскимъ киргизамъ и всѣ они нашли ее безсмысленнымъ наборомъ словъ.

тамгою его является найза (пика). По свидѣтельству Н. А. Аристова, тамгой тюленгутовъ является султанская тамга—таракъ (гребень)¹⁾, но въ Тюленгутовской волости Каркаралинскаго округа въ 50 годахъ XIX ст. тамгою служили-два горизонтально расположенные кружка—00. Въ 1853 году въ Каркаралинскомъ округномъ приказѣ на основаніи опроса киргизовъ—султановъ Солтабая Биралина, Арысланбека Таукина и киргиза Джандыка Кудабоева было составлено росписание родовъ киргизовъ Средней орды и тамъ, среди другихъ родовъ, оказался Тюленгутъ съ поколѣніями—мамадаиръ-изъ черныхъ киргизовъ; кусчи и калмакъ. Этотъ родъ существуетъ тамъ и въ настоящее время.

И такъ, что же такое тюленгуты?

Это, какъ мы видѣли выше, дружинники, прислужники, челядинцы, сбродъ, слуги и работники, особое отдѣленіе работниковъ, „когорта“—дворъ и прислуга, каракиргизскіе джигиты, родъ крѣпостныхъ, подчиненные—какъ бы прихожане, наконецъ это особое отдѣленіе или родъ, имѣющій свою тамгу-то пикю, то таракъ, то, какъ въ Каркаралинскомъ округѣ, два кружка...

При всемъ многословіи опредѣленій всѣ авторы согласны въ томъ, что тюленгуты не рабы—невольники или кулы, а.. просто тюленгуты—не легко поддающееся опредѣленію своеобразное явленіе киргизской жизни—люди до извѣстной степени отъ султана зависимые и сами искавшіе этой зависимости.

Въ этой добровольности подчиненія султанамъ и заключается основная черта разницы между тюленгутомъ и куломъ.

У людей, близко знакомыхъ съ исторіей римскаго права, при ознакомленіи съ характеромъ киргизскаго тюленгутизма, неизбѣжно, по аналогіи, должно воз-

¹⁾ См. Жив. Стар. 1896 г. стр. 287.

никать представлѣніе о древне-римскихъ *кліентахъ*. Кліенты (clientes), подобно тюленгутамъ, были въ зависимости отъ патриціевъ, но отличались отъ *плебеевъ*. Обязанности патрона по отношенію къ кліентамъ въ древности (зак. XII табл.) носили священный характеръ. Въ довершеніе сходства, происхожденіе класса кліентовъ также вызываетъ разногласія ученыхъ: по Моммсену, Фюстель-де-Куланжу, кліенты—это рабы, получившіе свободу, а по Нибуру, Швеглеру,—коренное населеніе Лаціума, сдавшееся на милость побѣдителя.

Существованіе тюленгутовъ среди киргизовъ Малой, Средней, Большой и Букеевской орды показываетъ, что долгое время тюленгуты составляли скорѣе понятіе политическое, социальное, а не этнографическое и родъ съ ихъ названіемъ, вѣроятно, образовался только тогда, когда самое явленіе тюленгутизма исчезло. По этому не вижу никакого основанія думать, что существующій теперь въ Каркаралинскомъ уѣздѣ родъ тюленгутовъ могъ имѣть какое либо кровное отношеніе къ тюленгутамъ вообще. Примѣры подобнаго образованія родовъ у киргизовъ подмѣчены такими авторитетными лицами, какъ Н. А. Аристовъ, примѣромъ можетъ служить „родъ Джалаиръ, состоявшій нѣкогда въ рабствѣ у рода Чингисъ-хаѣ¹⁾. Джалаировское колѣно Большой орды—говоритъ авторъ²⁾: есть союзъ частей родовъ разнаго происхожденія, образовавшійся первоначально подъ главенствомъ какого нибудь вождя изъ рода Джалаиръ и успѣвшій, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, окрѣпнуть и образовать прочное цѣлое, *хотя истинныхъ джалаировъ было въ немъ и первоначально немного*“. Этотъ низкій по своему происхожденію родъ (изъ рабовъ) по

¹⁾ Жив. Ст. 1896 г. стр. 287, прим.

²⁾ Жив. Ст. 1894 г. стр. 407.

Н. И. Гродекову (1889 г.) считается нынѣ старшимъ изъ всѣхъ родовъ Большой орды.

Подобно роду Джалаиръ Б. орды, родъ тюленгутовъ могъ образоваться даже безъ всякаго участія тюленгутовъ. Названіе тюленгутовъ могло быть дано той или другой группѣ киргизовъ, какъ прозвище, на что киргизы, къ слову сказать, большіе мастера и охотники. Но если бы даже въ родъ тюленгутовъ и вошли нѣкоторые киргизскіе тюленгугы, то и это въ данномъ случаѣ не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ и всѣ-то киргизы вообще, по заявленіямъ ученыхъ, представляютъ собою результатъ сліянія различныхъ племенъ. Слѣдовательно, значеніе того или другого киргизскаго рода и степень почтительнаго или презрительнаго отношенія къ нему, вовсе не можетъ быть измѣряема сравнительной его чистотой и отсутствіемъ иноплеменныхъ примѣсей.

Почему то многими принято ходячее мнѣніе о томъ, что именно родъ тюленгутовъ образовался изъ рабовъ и что поэтому сами тюленгуты суть ни что иное, какъ рабы. Между тѣмъ въ составѣ Средней орды есть нѣсколько родовъ или отдѣленій, въ названія которыхъ прямо входитъ слово *рабъ-кулъ* и казалось бы болѣе естественнымъ выводить происхожденіе этихъ именно родовъ отъ куловъ, а не тюленгутовъ родъ. Таковы роды и родовыя подраздѣленія—Кулбуллы (т. е. рабъ былъ), Мамбеткулъ, Сыбханкулъ, Ахметкулъ—(т. е. рабъ Магомета, Сыбхана, Ахмета), Джангулы (джанъ-душа и кулъ-рабъ), Тохтагулъ (т. е. постой рабъ!)¹⁾.

Киргизскіе тюленгуты не могли быть прямыми потомками теленгетовъ еще и потому, что они по наружности своей во всякомъ случаѣ не представляли (по крайней мѣрѣ въ 30 годахъ XIX столѣтія) ясно

¹⁾ См. Н. Коншинъ. Пам. Кн. Семип. сбл. на 1900 годъ стр. 119—126.

выраженного, обособленного, антропологического типа. Физическая организація ихъ ничѣмъ явно не выдѣлялась изъ ряда типичнаго киргизскаго *habitus'a*. Нельзя было при взглядѣ, положимъ, на киргиза изъ рода Аргынъ и киргиза тюленгута опредѣлить, что первый настоящій, природный киргизъ, а второй только киргизскій инородецъ-тюленгутъ. Если-бы существовали хотя бы малѣйшіе признаки подобныхъ примѣтъ, то киргизскіе рабовладѣльцы, до виртуозности изощрявшіеся въ приискиваніи способовъ прикрѣпленія къ себѣ тюленгутовъ, не преминули бы указывать на эти примѣты.

Такъ какъ главной задачей нашего очерка является извлеченіе изъ архивной пыли на свѣтъ Божій нѣкоторыхъ документовъ, касающихся рабства и тюленгутизма въ киргизской степи, то на всѣ разсужденія мои болѣе или менѣе общаго характера прошу смотрѣть не болѣе, какъ на попытку освѣщенія мѣстныхъ архивныхъ данныхъ. Безъ этого освѣщенія очеркъ былъ бы простой печатной копіей для архивовъ и единственными авторами его явились бы труженики печатнаго станка—типографскіе наборщики. Перепечатывая здѣсь всѣ, показавшіеся мнѣ интересными архивные документы о рабствѣ и тюленгутизмѣ, я въ тоже время не считалъ себя вправе оставаться безучастнымъ зрителемъ изображенныхъ въ документахъ событій. По мѣрѣ ознакомленія съ ними у меня образовался опредѣленный взглядъ на эти событія, а отсюда—потребность провѣрки его путемъ сопоставленія съ другими взглядами на тотъ же предметъ и въ результатѣ—желаніе того или другого освѣщенія фактовъ, желаніе сдѣлать тотъ или другой выводъ, такъ какъ „изъ столкновенія мнѣній вытекаетъ истина“ (*du choc des opinions jaillit la verité*).

При свѣтѣ той истины, которая блеснула намъ при нѣкоторомъ ознакомленіи съ изложенными выше фак-

тами, мы перейдемъ къ изложенію тѣхъ взглядовъ, какихъ держались сами рядовые киргизы бывшей Омской области (Средняя орда) на тюленгутовъ и куловъ въ 30 годахъ только что минувшаго вѣка. Взгляды эти въ общемъ отличаются замѣчательнымъ единообразіемъ. Султаны, заинтересованные въ томъ, чтобы имѣть около себя побольше послушныхъ рабовъ, утверждали, что тюленгуты и кулы одно и то же — всѣ они обязаны, что называется, по гробъ жизни служить султану. Рядовые же киргизы были другихъ мнѣній.

Въ 1833 году по предложенію начальника бывшей Омской области въ г. Каркаралинскѣ было произведено замѣчательное (*принципіальное*) изслѣдованіе вопроса о томъ, какое значеніе имѣли и имѣютъ въ киргизскомъ быту невольники и тюленгуты? Какое между ними различіе? Имѣютъ ли они, по киргизскимъ обычаямъ, право оставлять своихъ владѣльцевъ, когда пожелають? Въ лицѣ производившаго тогда судебное слѣдствіе въ Каркаралинскомъ округѣ петропавловскаго окружнаго стряпчаго Скорины областной начальникъ нашелъ выдающагося по своимъ способностямъ, умѣлаго и энергичнаго исполнителя выпавшей на его долю работы. Скорина затребовалъ и получилъ болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты на всѣ поставленные вопросы отъ окружныхъ приказовъ: Кокчетавскаго, Акмолинскаго, Учбулаковскаго и Аягузскаго. Кромѣ того имъ лично самымъ обстоятельнымъ образомъ допрошено подъ присягою болѣе десятка киргизовъ. Всѣ добытыя этимъ путемъ свѣдѣнія о киргизскихъ рабахъ и тюленгутахъ Средней орды, разсѣяныя по разнымъ бумагамъ архивнаго дѣла, настолько цѣнны и интересны, что намъ оставалось только собрать ихъ самымъ тщательнымъ образомъ и предложить здѣсь вниманію читателя.

Изъ отзывовъ, собранныхъ въ 1833 году, только

одинъ проникнуть завѣдомой фальшью. Этотъ отзывъ отобранъ при помощи Кокчетавскаго окружнаго приказа. Въ немъ говорится: 1833 года сентября 21 дня, почетные киргизы и старѣйшины, въ присутствіи Кокчетавскаго окружнаго приказа, будучи каждый порознь, по приводѣ къ алкорану, спрошены, всѣ единогласно показали, что тюленгуты—слуги или невольники—изъ каракалпацкаго племени и изъ другихъ родовъ предками ихъ (т. е. подписавшихся) приобрѣтались преимущественно завоеваніемъ, покупкою, въ приданое за женами и въ калымъ, какъ сіе, кромѣ завоеванія, и нынѣ продолжается. Тюленгуты сіи суть слуги безусловно въ услуженіи у владѣльца находящіеся, коихъ онъ имѣетъ право продать и передать въ наслѣдственное владѣніе, но сами собою они къ другому переходить не могутъ. Подписали: султанъ Онтай Чингисовъ, султанъ Сартай Чингисовъ, султанъ Джакалы Чингисовъ, султанъ Утепъ Камбаровъ и 16 біевъ. При дачѣ показаній присутствовали-старшій султанъ Габайдулла Валихановъ, засѣдатели Алтыбай Мардановъ, Сейтень Борамбаевъ и коллежскій ассесоръ.... (русскій и потому фамилія не разобрана). Присутствіе фальши въ приведенныхъ строкахъ доказывается тѣмъ, что когда въ 1835 году, значить спустя 2 года, тому же приказу по обстоятельствамъ пришлось вновь выдать такой же точно документъ, или копію его, то приказъ повторилъ изъ слова въ слово приведенныя показанія подписавшихся, но счелъ необходимымъ дополнить слѣдующими словами: „Что же касается тѣхъ тюленгутовъ, кои, будучи свободными киргизами, только по бѣдности или притѣсненіямъ вынуждаются искать себѣ покровительства у султановъ или владѣльцевъ, то они всегда имѣютъ независимость и свободу проживать въ тѣхъ волостяхъ и аулахъ, къ коимъ они приписаться пожелаютъ“.

1833 года августа 30 дня, въ присутствіи Аягузскаго

окружнаго приказа бій Чобиянтай Сагаловъ показывалъ: „тюленгуты приобрѣтаются киргизскими султанами тремя способами. Вопервыхъ, по неимѣнію скотоводства бѣдные киргизы прибѣгають къ достаточнымъ и остаются у нихъ изъ за одного пропитанія даже и навсегда со своимъ потомствомъ. Во вторыхъ, имѣющіе скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть подъ покровительствомъ, остаются при покровителѣ также потомственно, а иногда отходятъ и увольняются по доброй волѣ владѣльцами по учиненіи съ ними разсчета въ содержаніи и приобрѣтеніи скота. Если же тюленгутъ оказывалъ покровителю вѣрность въ услугахъ, то отпускался и безъ всякихъ разсчетовъ даже еще и съ наградою. В третьихъ, во избѣжаніе какого либо взысканія, правильнаго или неправильнаго, киргизы укрываются подъ покровительство султана или другаго вліятельнаго киргиза. Султанъ или владѣтель оказываетъ такимъ тюленгутамъ всѣ отъ него зависящія къ защитѣ пособія. Въ случаѣ, если у отвѣтника-тюленгута не достаетъ на расплату съ кѣмъ-либо скота, то султаны и прочіе его тюленгуты уплачивають изъ собственнаго своего имущества. Такіе тюленгуты не могутъ по своей волѣ отойти отъ одного владѣльца къ другому. Что же касается слугъ или невольниковъ (куловъ), то оные приобрѣтаются покупкою, байгами, въ приданое и въ штрафъ по дѣламъ. Эти невольники на отходъ отъ владѣльца никакого права не имѣють. Они составляютъ часть имущества и владѣльцы передають ихъ какъ свое имущество въ другія руки, а иногда лишаются черезъ баранту. Другой спрошенный въ Аягузскомъ приказѣ, бій Базаевъ показалъ, что тюленгуты имѣють право отходить по своему произволу къ другому владѣльцу или имѣть отдѣльную, ни отъ кого независимую кочевку. Если же на отходъ отъ владѣльца встрѣтятся со стороны его препятствія (разсчеты имущественнаго

характера), тогда тюленгуты отходятъ отъ него, со всѣмъ пріобрѣтеннымъ скотомъ, по суду, произведенному бiями по киргизскимъ обычаямъ. Были спрошены еще двое киргизовъ—Бекъ Хожка Юсупбаевъ и Сопа Токпаевъ, которые новаго къ показанiямъ предъидущихъ ничего не прибавили. Показанiя отбирали русскiй засѣдатель при помощи русскаго переводчика титулярнаго совѣтника Лобанова.

Акмолинскiй окружный приказъ съ своей стороны, по просьбѣ лица производившаго слѣдствiе по дѣлу объ оглававшихся отъ султана тюленгутахъ, прислалъ свѣдѣнiя о значенiи тюленгутовъ и куловъ въ киргизской жизни. Эти свѣдѣнiя были отобраны подъ присягою „отъ наиболѣе свѣдущихъ и заслуживающихъ довѣрiя киргизовъ“.

„Кулы у киргизовъ пріобрѣтались покупкою и плѣненiемъ отъ калмыковъ, закаменныхъ и черныхъ киргизовъ съ правомъ наследственнаго владѣнiя, продажи, отдачи въ уплату калыма за невѣсть и въ подарокъ другому и невольники сiи не имѣютъ права по своей волѣ отходить отъ своего владѣльца. *Пріобрѣтенiе же куловъ изъ киргизовъ не допускается изъ уваженiя къ своей нации.* Что же касается тюленгутовъ, то сiи послѣднiе пріобрѣтались—собственно изъ киргизовъ, когда киргизецъ или нѣсколько ихъ, какой бы они волости не были, и по какимъ бы то обстоятельствамъ ни было: хотя бы по бѣдному состоянiю, или по притѣсненiямъ отъ другихъ киргизовъ или бы даже безъ всякой причины, сами добровольно присоединяются къ какому нибудь султану съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобы быть его тюленгутами и прилагать на свой скотъ султанскiя тамги. На такихъ условiяхъ они остаются на неопредѣленное число лѣтъ при султанѣ и не только они, но и происшедшее отъ нихъ потомство считаются тюленгутами султана. Но они имѣютъ право перейти къ другому владѣльцу или даже отойти на

волю и кочевать самостоятельно, потому что киргизы сии, сами присоединясь къ султану, служили ему и наслѣдникамъ его добровольно. Происшедшіе же отъ невольниковъ (куловъ) суть настоящіе невольники (кулы), эти не имѣютъ права безъ дозволенія владѣльца отойти на волю и переходить къ другому владѣльцу. Они выдаются султанами за дочерями при выходѣ оныхъ въ замужество.

Обязанности же тюленгутовъ отличаются отъ обязанностей невольниковъ-куловъ. Тюленгуты обязаны охранять султана и его собственность, сопутствовать ему въ поѣздкахъ, служить для посылокъ, и пр. *Въ древнія времена тюленгуты были исполнителями казней.*

Означенныя свѣдѣнія о тюленгутахъ и кулахъ даны біями Теналы-Карпыковской волости—Тезекомъ Джанджигитовымъ, 74 лѣтъ, и Тлеулы Тугулбаевымъ 52 лѣтъ, біями Алтаевской волости—Мусреномъ Байтюбетевымъ 42 л., Мукунъ-Алтаевской волости Косубаемъ Бабыковымъ 46 л., и Туртугульской волости—Кальдіаромъ Бостановымъ 59 лѣтъ.

1833 г. октября 3 дня наиболѣе почетные киргизы Учбулаковского приказа подъ присягою о происхожденіи тюленгутовъ показали, что тюленгуты происходятъ изъ бѣдныхъ и порочныхъ киргизовъ, которые ради пропитанія и защиты прибѣгаютъ къ покровительству того или другого султана. Тюленгуты всегда имѣютъ право оставлять султана и уходить, куда пожелаютъ. Слуги изъ калмыковъ, башкирцевъ и изъ дикихъ киргизцевъ, завоеванные въ прежнія времена, называются кулами. Кулы должны во всемъ своимъ хозяевамъ повиноваться и работать, что заставляютъ. Султаны—владѣльцы имѣютъ право продавать ихъ или другимъ въ рабство отдавать насильно, всякое имущество и все, что они, кулы, имѣютъ отнимать и кулы никакихъ правъ не имѣютъ противъ этого протестовать. Подъ этими объясненіями поставлены 3 пе-

чати и двѣ тамги киргизовъ съ подписями Утупчи Баракова и др.

Бій Актюбетевской волости, 80 лѣтній старикъ, Уджетъ Кутеневъ, показывалъ слѣдователю Скоринѣ: „Названіе тюленгутъ не составляло въ прежнее время такого значенія, чтобы именующій себя тюленгутомъ какого либо султана былъ оному крѣпокъ наравнѣ съ куломъ и стѣснялся бы въ свободѣ. Напротивъ, названіе сіе въ прежнее время было еще въ уваженіи, ибо служило, какъ охраненіемъ личности отъ разныхъ притѣсненій постороннихъ киргизовъ, такъ и въ сохраненіи скота. Для чего многіе искали сего званія и на скотъ свой налагали султанскую тамгу. Но впоследствии вновь оставляли султановъ по какимъ либо обстоятельствамъ и избирали мѣста для себя по собственному желанію.

Бій и аульный старшина Джусенбай-Ченчековской волости Худай Бергенъ Татубаевъ, 60 лѣтъ, объяснилъ, что тюленгутами въ прежнее время назывались всѣ тѣ киргизы, кои чаще другихъ кочевали ближе съ султанами и для безопасности скота или для скорѣйшаго возвращенія его въ случаѣ угона прикладывали на оный султанское тавро, но чтобы чрезъ сіе были султанамъ крѣпки, какъ кулы, или лишались бы свободы въ чемъ бы то ни было въ сравненіи съ прочими киргизами, примѣровъ тому не было слышно даже отъ стариковъ. Люди, достававшіеся киргизамъ черезъ покупку или завоеваніе, становились у нихъ кулами-рабами, а не тюленгутами.

Бій той же волости Танрыкъ Байтюринъ, 62 лѣтъ, показывалъ: носившіе до сего времени (1833 г.) названіе тюленгутовъ султанскихъ были всегда изъ киргизъ свободнаго состоянія, кочевавшіе при султанахъ до тѣхъ только поръ, пока или было угодно или пока имѣли въ томъ свои выгоды.

Бій Сагыръ Балзымовъ, 50 лѣтъ, на вопросъ: что

такое тюленгутъ по сравненію съ куломъ? отвѣчалъ такъ: Кулы пріобрѣтались всѣми вообще киргизами покупкою и др. средствами, всегда были крѣпки владѣльцамъ своимъ, не имѣя права отходить отъ нихъ по своей волѣ. Тюленгутами же назывались и нынѣ называются такіе люди изъ киргизовъ, которые по бѣдности, или по другимъ обстоятельствамъ, кочевали всегда вблизи султановъ, пока находили свои выгоды, но послѣ оставляли ихъ и присоединялись туда, гдѣ имъ угодно было.

Почетный киргизъ Дюсенбай-Ченчековской волости Тюлебай Булановъ, 36 лѣтъ, показалъ: тюленгутовъ султаны не въ правѣ ни продать, ни подарить и они до тѣхъ поръ кочуютъ съ ними, пока имѣютъ свои выгоды. Невольники или кулы состоятъ въ полной волѣ своихъ владѣльцевъ, кои могутъ ихъ продовать и дарить.

Старшина Байбуруинской волости Тюлегонъ Таныбаевъ показывалъ, что въ прошлыя времена самые лучшіе люди изъ киргизовъ назывались тюленгутами, когда кочевали поблизости отъ султановъ или когда отлучались на линію и въ другія дальнія мѣста. Въ этомъ случаѣ названіе сіе служило нѣкоторымъ охраненіемъ отъ обидъ. По откочевкѣ же отъ султановъ названіе „тюленгутъ“ отпадало отъ киргиза. Но чтобы султаны имѣли такое же право на называвшихся тюленгутами, какое вообще имѣли всѣ киргизы на куловъ, сему примѣровъ не было. Слугъ (т. е. куловъ) султаны и киргизы всегда употребляли по своему произволу, т. е. дарили, продавали и на байгу ставили.

Старшина Айтымбетевской волости Алакучукъ Букановъ, 56 лѣтъ, говорилъ, что нѣкоторые, извѣстные ему киргизы, назывались тюленгутами хана Букея, но собственностью своей всегда распоряжались по своему желанію безъ всякаго участія хана.

Старшина Туртугульской волости урманчинскаго

рода Ульджибай Сатыбалдинъ 58 лѣтъ объяснилъ такъ: „тюленгутами султаны приняли обыкновеніе называть киргизскихъ пришельцевъ, удалившихся изъ другихъ волостей во избѣжаніе притѣсненій или по бѣдности и присоединившихся подъ покровительство султановъ. Въ тюленгутахъ султаны видѣли людей всегда готовыхъ къ различнымъ услугамъ. Но услуги эти тюленгуты оказывали султанамъ болѣе по собственной волѣ, нежели изъ принужденія и всегда свободны оставлять султановъ. Слуги или невольники (кулы) напротивъ приобрѣтались прежде и нынѣ (1833 г.) приобрѣтаются покупкою. Всѣ они (кулы) происходятъ отъ завоеванныхъ въ древнее время киргизами калмыковъ, а не отъ природныхъ киргизовъ, какъ тюленгуты. Владѣльцы имѣли право располагать не только ими, кулами, *но даже самую ихъ жизнь*“.

Подъ этимъ объясненіемъ кромѣ названнаго Сатыбалдина подписались или приложили свои печати и тамги: бій Уралъ Акжигитовъ, 60 лѣтъ; старшина Нуртаза Берденевъ 33 лѣтъ; старшина Карджасской волости Сатылгиновскаго рода Укубай Найзабековъ 47 лѣтъ; бій Карджетъ—Туртугульской волости капитанъ Чорманъ Кучуковъ, 49 лѣтъ.

Таковы были въ 1833 году отвѣты самихъ киргизовъ бывшей Омской области на обращенные къ нимъ вопросы о значеніи тюленгутовъ и отличіи ихъ отъ куловъ. Во всѣхъ этихъ отвѣтахъ проводится замѣтное разграниченіе между тюленгутомъ и куломъ. Этой разницы не замѣчали только тѣ изъ киргизскихъ султановъ, которымъ нужно было овладѣть тюленгутами и низвести ихъ на степень обыкновенныхъ рабовъ—куловъ. Это непохвальное стремленіе султановъ къ униженію своихъ сородичей находило себѣ почву, какъ я уже выше замѣтилъ, въ духѣ того времени, въ общемъ настроеніи дореформенной крѣпостной Россіи. Русская администрація хотя принципиально и была

противъ рабовладѣльчества въ киргизской степи (уставомъ 1822 г. было запрещено обращать въ рабство природныхъ киргизовъ), но она была безсильна, такъ какъ не обладала достаточными силами для борьбы со зломъ, развѣдавшимъ весь государственный организмъ Россіи. Стоило только султану рабовладѣльцу сослаться на то, что тюленгуты суть ничто иное какъ его „дворовые люди“, какъ въ умѣ и понятіяхъ русскаго дореформеннаго администратора уже возникалъ опредѣленный образъ дѣйствій, извѣстный ему изъ исторіи отношеній крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщику въ случаѣ ихъ неповиновенія или бунта.

Масса тюленгутовъ не всегда однако добровольно слагала оружіе и нерѣдко вступала въ борьбу за свои человѣческія права. Борьба эта была, конечно, неравной: она была облегченной для султановъ-рабовладѣльцовъ и во всѣхъ отношеніяхъ тяжелой для тюленгутовъ. Весьма вѣроятно, что многіе тюленгуты подѣ давлениемъ богатыхъ и нерѣдко стоявшихъ во главѣ русско-киргизской администраціи султановъ подчинялись въ концѣ концовъ своимъ „помѣщикамъ“, сдаваясь на ихъ добрую волю. Но съ другой стороны, извѣстны примѣры, когда эти же самые тюленгуты до послѣднихъ силъ боролись, доказывая русскимъ властямъ, что они люди свободные. И борьба эта, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, формально оканчивалась иногда въ пользу тѣхъ тюленгутовъ, которые рѣшались бороться до конца противъ своихъ притѣснителей. Описанная борьба, — то глухая и невѣдомая, скрытая въ малоизвѣстной киргизской степи, то явная, въ видѣ судебныхъ процессовъ, продолжалась все время вплоть до русской освободительной эпохи великихъ реформъ 1861 года. Къ этому времени русскія власти уже смѣло и рѣшительно дѣйствовали въ пользу разнаго рода киргизскихъ рабовъ и султаны рабовладѣльцы были уже лишены возможности

опираться на освященное вѣками русское крѣпостное право.

IV.

Киргизскій тюленгутизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ обрисовывается намъ въ приведенныхъ выше показаніяхъ киргизовъ Средней орды, выросъ на альтруистической почвѣ,—на почвѣ взаимопомощи и покровительства, оказываемаго сильными киргизскими султанами болѣе слабымъ своимъ единоплеменникамъ. Необходимою и характерною чертою тюленгутизма была такимъ образомъ добрая воля, на которой, какъ мы видѣли, сходились султанъ и киргизы, желавшіе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, стать подъ защиту и покровительство въ качествѣ тюленгутовъ. Въ XVIII столѣтіи, въ эпоху непрерывнаго броженія и нескончаемыхъ стычекъ полунезависимыхъ отъ Россіи киргизовъ съ другими племенами, у султановъ не было недостатка въ рабахъ: плѣнные въ изобиліи доставляли даровыя рабочія руки. Въ XIX стол. положеніе султановъ мѣняется. Масса киргизскаго народа въ это время переходитъ уже на болѣе мирное положеніе, русское вліяніе постепенно крѣпнетъ въ киргизской степи, власть и значеніе пріобрѣтаютъ только служилые султаны—предсѣдатели окружныхъ приказовъ и волостные управители, а также стоящіе за спинами ихъ родственники и приближенные.

Нужда въ услугахъ преданныхъ рабовъ однако отъ этого не могла уменьшиться. Огромныя султанскія стада по прежнему требовали пастуховъ и охраны, тщесловіе, желаніе покичиться и даже помѣряться силами съ подобными себѣ по прежнему владѣли султанскими сердцами и помыслами. Отомстить за обиду, произвести баранту у неугоднаго и болѣе слабого единоплеменника,—по прежнему оставалось народнымъ

обычаемъ, выполнить который можно было только при помощи подручныхъ и преданныхъ людей. Такими въ прежнее время являлись кулы, теперь же, за недостаткомъ ихъ, пришелъ чередъ тюленгутовъ.

„Тюлегуть, береги своего султана!“....

Изъ этого источника и проистекли тѣ судебныя дѣла о тюленгутахъ и изъ-за тюленгутовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы сейчасъ приступаемъ.

Дѣло о тюленгутахъ султана Чамы Аблайханова, будто бы присваиваемыхъ султаномъ Агадаемъ Мамановымъ, возникло, въ декабрѣ 1832 года. Въ названное время Каракисецкій волостной султанъ Каркаралинскаго округа Чама Аблайхановъ, родственникъ старшаго султана того же округа Турсуна Чингисова, подалъ начальнику Общаго управленія Омской области просьбу, въ которой излагалъ слѣдующее: въ 1793 г. къ отцу его, Аблай-хана, прикочевали изъ Юсунской волости киргизы Карамышъ, Бюрюбай и Ильбай Миркины и, образовавъ 13 кибитокъ, сдѣлались тюленгутами названнаго Аблай-хана. А потому въ настоящее время (черезъ 39 лѣтъ) эти киргизы должны принадлежать Чамѣ, какъ сыну и наслѣднику Аблай-хана. Султанъ же Байбуринской волости Агадай Мамановъ записалъ этихъ киргизовъ въ число своихъ и черезъ сына своего Ямантая увелъ ихъ къ себѣ.

Въ этомъ похищеніи тюленгутовъ и состояло нарушеніе правъ султана Чамы Аблайханова и о восстановленіи этихъ именно правъ онъ и ходатайствовалъ предъ областнымъ начальникомъ. Въ подтвержденіе своихъ правъ Чама представилъ свидѣтельство за подписями старшаго султана Чингисова и прочихъ „старѣйшинъ“, утверждавшее, что султану Чамѣ и его отцу Аблай-хану дѣйствительно принадлежать съ 1793 года тюленгуты Карамышъ, Бюрюбай и Ильбай Миркины.

Вслѣдствіе поданной просьбы, по порученію област-

ного начальника, чиновникъ особыхъ порученій Бѣленицынъ, произвелъ разслѣдованіе обстоятельствъ дѣла.

Справкою въ дѣлахъ Каркаралинскаго приказа было удостовѣрено, что въ 1831 году спорные тюленгуты были причислены засѣдателемъ Карбышевымъ къ Байбуринской волости, управляемой султаномъ Агадаемъ, но „не потому—какъ казуистически рассуждалъ Бѣленицынъ—что они дѣйствительно не были тюленгутами султана Чамы, но единственно по неизвѣстности—принадлежатъ ли они ему, ибо при исчисленіи Карбышевымъ въ 1831 году скота, предполагающаго въ ясакъ, Чамы не объявлялъ ему объ оныхъ тюленгутахъ и не просилъ о томъ приказъ“. Далѣе Бѣленицынъ доносилъ, что родъ Сергалы, къ которому принадлежали Миркины, издревле кочевалъ съ Чамой, что доказываетъ и открытій видъ, данный приказомъ тому роду еще въ 1827 году. Даже сынъ Агада—Ямантай, бывшій при производствѣ „словеснаго разбирательства“ Бѣленицына будто бы отозвался, что не онъ, Ямантай, а самъ приказъ раздѣляетъ родъ Сергалы отъ Чамы безъ его, рода Сергалы, настоящія. На основаніи этихъ соображеній, по мнѣнію Бѣленицына, слѣдовало означенныхъ тюленгутовъ изъ рода Сергалы привести въ повиновеніе сородичу ихъ Чамѣ.

Получивъ этотъ отзывъ, областной начальникъ нашелъ справедливымъ, что упомянутые тюленгуты, сами не просившіе объ отдѣленіи ихъ отъ Чамы, должны подлежать вліянію сего султана, находясь по прежнему при немъ „въ полномъ и непосредственномъ его распоряженіи“.

Подобное закрѣпощеніе тюленгутовъ Чамѣ вызывалось принципиальными соображеніями областного начальника, который полагалъ, что отдѣленіе тюленгутовъ отъ султана Чамы „можетъ и въ прочихъ тюленгутахъ возродить мысль уходить отъ своихъ владѣльцевъ, вопреки древнимъ ихъ обычаямъ“...

Этимъ и должна была, казалось бы, закончиться вся эта исторія. Но на сторону спорныхъ тюленгутовъ неожиданно сталъ Каркаралинскій окружный приказъ, который, въ отвѣтъ на означенное предложеніе областного начальника, высказалъ такія соображенія по дѣлу. 23 марта 1827 года прикочевавшій изъ Большой орды старшина Юсунской волости сергалинскаго рода Карамышъ Миркинъ, въ числѣ 13 кибитокъ, просилъ приказъ выдать ему письменный видъ о нечиненіи какихъ либо притѣсненій. Таковой видъ былъ ему изъ окружнаго приказа выданъ за подписью старшаго султана Чингисова и трехъ засѣдателей Дарто, Карбышева и Нуралина, причемъ въ этомъ документѣ Миркинъ поименованъ киргизомъ Юсунской волости. Проситель Чама Аблайхановъ въ 1831 году по дѣлу объ ограбленіи имъ разнаго имущества и скота у киргиза сергалинскаго рода Култая Утенева въ донесеніи приказу отъ 5 сентября 1831 года поименованныхъ киргизовъ Миркиныхъ называлъ не своими тюленгутами, а киргизами, прикочевавшими изъ Юсунской волости. Далѣе, въ 1827 году султанъ Чама съ присоединившимися къ нему многими киргизами отлучался изъ округа, угнавъ барантою до 3 тысячъ лошадей, а въ это время старшина Миркинъ оставался въ волости и велъ себя совершенно независимо по отношенію къ Чамѣ. Еще далѣе: султанъ Агадай Мамановъ доносилъ приказу, что султанъ Чама Аблайхановъ насильно удерживаетъ у себя киргизовъ изъ рода Сергалы, приписанныхъ къ Байбурунской волости, и недозволяетъ взысканіе съ нихъ ясака, посланныхъ же за сборомъ ясака отъ султана Маманова людей жестоко бьетъ, подвергая разнымъ варварскимъ истязаніямъ (см. выше случай съ киргизомъ Култаемъ Утеновымъ). Видя эти жестокости со стороны султана Чама, киргизы рода Сергалы просили султана Агадая Маманова, управляющаго Байбурунскою во-

лостью, не держать ихъ при Чамѣ насильно. Наконецъ, по соображеніямъ окружнаго приказа, старшина Карамышъ при исчисленіи скота записанъ вмѣстѣ съ прочими его родственниками въ Байбуринскую волость въ видѣ свободныхъ киргизовъ, и самъ Чама далъ исчисленіе только за 38 юртъ. При взысканіи ясака представилъ скота только за это число юртъ, не прося о причисленіи къ нему Карамыша съ его киргизами до производства изысканія чиновника Бѣленицына. Поэтому предсѣдатель окружнаго приказа Чингисовъ 10 ноября 1832 года хотя и выдалъ Чамѣ свидѣтельство, но оно противорѣчитъ другому документу — открытому листу, прежде выданному тѣмъ же Чингисовымъ Карамышу въ томъ, что Карамышъ—свободный киргизъ (а теперь Чингисовъ считаетъ его уже тюленгутомъ Чама). Старшина Миркинъ вполнѣ располагалъ самъ собою; если бы этого не было, то когда богатый и вліятельный Чама укралъ барантою табуны скота, тогда онъ, если бы только имѣлъ право, не преминулъ бы увлечь за собою и Миркина.

По изложеннымъ соображеніямъ окружный приказъ полагалъ, что если Миркина и подобныхъ ему киргизовъ закрѣпощать за владѣльцами въ наслѣдственное ихъ распоряженіе, „тогда скорѣе могутъ разстроиться киргизы, нежели будутъ освобождены отъ непремѣнной зависимости султановъ *свободные у нихъ тюленгуты*“. Званіе тюленгута въ степи, по свидѣтельству приказа, еще не означаетъ раба. Тюленгуты кочуютъ, присоединяясь къ тому или другому султану, или же, по бѣдности и слабости, изъ желанія снискать себѣ покровительство лица болѣе сильнаго и богатаго, пока еще не было открыто округовъ въ степи, никогда не теряя права переходить по собственному желанію отъ одного султана къ другому въ случаѣ притѣсненія или какого либо другого неудовольствія.

Областной начальникъ съ изложенными выше со-

ображеніями и доводами Каркаралинскаго окружнаго приказа не согласился, ссылаясь на то, что хотя въ письменномъ видѣ изъ приказа отъ 23 марта 1827 г. названные киргизы Миркины и не названы тюленгутами Чамы, но это еще не можетъ служить доказательствомъ того, что они не были тюленгутами, равно какъ и то обстоятельство, что они не послѣдовали за откочевавшимъ султаномъ не есть еще доказательство непринадлежности ихъ къ тюленгутамъ Чамы. Предки сихъ тюленгутовъ прикочевали еще въ 1793 году къ Чамѣ и всегда, по письменному свидѣтельству султановъ и родоначальниковъ, считались въ числѣ его тюленгутовъ. Поэтому областной начальникъ предложилъ приказу „отнюдь не перечислять тюленгутовъ отъ одного владѣльца къ другому, доколѣ не будутъ исчислены права (различіе) между тюленгутами и невольниками, но при всякомъ удобномъ случаѣ стараться внушать имъ, что званіе тюленгутовъ остается на прежнемъ основаніи и съ тѣми же самыми правами, какими они до сего пользовались по древнимъ ихъ степнымъ законамъ и обычаямъ“....

А каковы были эти пресловутые „древніе степные законы“—русской администраціи того времени было невѣдомо, и потому она, не беря себѣ грѣха на душу, старалась избѣгать ломки уклада киргизской народной жизни, оберегая существующее *status quo*, которое находилось къ тому же въ гармоническомъ сочетаніи съ вѣяніями русской крѣпостной эпохи....

Но и послѣ приведенной выше резолюціи областного начальника дѣло съ тюленгутами Миркиными не было покончено. Самъ старшина Карамышъ Миркинъ тѣмъ временемъ вновь подалъ въ 1835 году командиру отдѣльнаго сибирскаго корпуса просьбу, въ которой жаловался на султана Чаму за присвоеніе его, свободнаго киргиза, себѣ въ качествѣ тюленгута и просилъ, удостовѣрившись черезъ постороннихъ султановъ и

старшинъ въ справедливости притязаній его, Миркина, оказать ему законную защиту.

Въ отвѣтъ на эту просьбу г. корпусный командиръ предложилъ: новыхъ удостовѣреній о просителѣ Миркинѣ не дѣлать, а вмѣсто того рекомендовалъ— „доставить ему удовлетвореніе и успокоеніе отъ постороннихъ противниковъ, разстраивающихъ киргизовъ вообще, въ случаѣ же обидъ отъ султана, оказывать ему всякую защиту и покровительство на законномъ основаніи“.

Рекомендованныя „удовлетвореніе и успокоеніе“ выразились въ томъ, что просителю старшинѣ Миркину съ надлежащею строгостью было объявлено, чтобы онъ не внималъ совѣтамъ неблагонамѣренныхъ людей, разстраивающихъ его и внушающихъ ему съ товарищами ложныя мысли на счетъ званія его и подчиненности султану Чамѣ, и не выходилъ бы изъ должнаго къ нему повиновенія.

Когда изложенное предписаніе начальства было объявлено и были приняты мѣры „удовлетворенія и успокоенія“ означенныхъ Миркиныхъ, то Миркинъ и его товарищи отозвались, что они прикочевали къ султану Чамѣ Аблайханову назадъ тому 9 лѣтъ изъ Чанчаровской волости, въ которую означенный султанъ поступилъ въ волостные управители изъ Тобуктинской волости. До этого времени при немъ не проживали, а состояли въ Чанчаровской волости вольными киргизами и таковыми оставались во время отложенія Чамы изъ округа. А что они точно не тюленгуты Чамы, — въ томъ удостовѣрилъ старшій султанъ Чингисовъ. Если онъ же, Чингисовъ, выдалъ Чамѣ другое свидѣтельство о принадлежности ихъ Чамѣ, то сдѣлалъ онъ это по родству къ нему и изъ страха по поводу производившагося тогда слѣдствія о нападеніи сыномъ того султана Пашкою на аулъ ихъ, сопровождавшемся угономъ 147 лошадей и затоптаніемъ дѣвочки. Во избѣжаніе совершеннаго раззоренія и безпрестанныхъ

притѣсненій и жестокостей они, Миркины, не рѣшаются на присоединеніе ихъ къ ауламъ султана Чамы Аблайханова, просятъ войти въ ихъ положеніе и черезъ законное изслѣдованіе удостовѣриться въ томъ, что они отъ званія тюленгутовъ и принадлежности ихъ Чамѣ отказываются справедливо и не могутъ рѣшиться на присоединеніе къ нему не по послушанію, а появному опасенію новыхъ жестокостей и притѣсненій.

Послѣ этого областное начальство вняло, наконецъ, просьбамъ тюленгутовъ и въ общемъ совѣтѣ Омскаго областного начальника постановлено было означенное дѣло „о тюленгутахъ султана Чамы Аблайханова“ рассмотреть и рѣшить по законамъ до киргизовъ относящимся въ Каркаралинскомъ окружномъ приказѣ съ тѣмъ, чтобы для обсуживанія и рѣшенія онаго дѣла вмѣсто подполковника Чингисова назначенъ былъ за предсѣдателя того приказа кто либо другой, по усмотрѣнію областного начальника. Но до рѣшенія дѣла Миркинъ и другіе должны состоять по прежнему въ повиновеніи султану Чамѣ, въ чемъ и обязать ихъ подписками. Изъ членовъ совѣта управляющій отдѣленіемъ Пекинъ остался при особомъ мнѣніи, выразивъ пожеланіе, чтобы подписка о повиновеніи отъ названныхъ тюленгутовъ Чамѣ была отобрана только послѣ рассмотрѣнія дѣла, когда окажется, что онъ владѣлъ сими тюленгутами, какъ крѣпостными.

Въ маѣ 1836 года Каркаралинскій внѣшній окружный приказъ постановилъ приступить къ производству слѣдствія. Рѣшено было истребовать отъ султана Чамы Аблайханова, какіе онъ имѣетъ документы и доказательства на принадлежность себѣ помянутыхъ тюленгутовъ? Съ котораго времени они къ нему или къ его предкамъ поступили и въ какомъ видѣ, т. е. въ видѣ ли рабовъ и невольниковъ, или же только въ видѣ людей, искавшихъ покровительства, и почему при первоначальномъ исчисленіи, произведенномъ бывшимъ

засѣдателемъ Карбышевымъ, онъ, Чама, не включилъ Миркиныхъ въ число своихъ киргизовъ и далъ ясакъ только за 38 юртъ?

Отъ ищущихъ свободы киргизовъ Карамыша, Бюрюбая и Ильбая Миркиныхъ отобрать показанія о томъ, какія они могутъ представить съ своей стороны законныя удостовѣренія того, что они никогда не были тюленгутами и рабами Чама Аблайханова и предковъ его, а состояли въ Чанчаровской волости вольными киргизами?

Если обѣ стороны будутъ основывать свои права на свидѣтельствѣ постороннихъ лицъ, то спросить сихъ лицъ на законномъ основаніи: утверждаютъ ли они ссылку на нихъ и какія имѣютъ къ тому неопровержимыя доказательства, и пр.

Прошелъ почти годъ, послѣ написанныхъ выше рѣшеній окружнаго приказа, безъ всякой пользы для дѣла. 7 марта 1837 года засѣдатель Кублицкій—Піотухъ донесъ, что онъ не могъ отобрать требуемыхъ приказомъ показаній за неявкою къ нему вызываемыхъ неоднократно лицъ по сему дѣлу—султана Чама Аблайханова и просителей Миркиныхъ. Наконецъ 13 сентября 1837 года въ приказъ поступило отъ засѣдателя Шушерина донесеніе, въ которомъ онъ писалъ, что султанъ Чама Аблайхановъ далъ ему подписку въ окончаніи иска, взведеннаго имъ по этому предмету на султана Агадая Маманова.

Тѣмъ и кончилось это дѣло, тянувшееся почти 5 лѣтъ! Султанъ Чама стремился овладѣть свободными киргизами, увѣряя, что они его тюленгуты. Когда же отъ него были потребованы доказательства на правовладѣнія этими теленгутами, онъ отказался отъ несправедливаго иска. Такому исходу дѣла немало содѣйствовали и сами просители, упорно добивавшіеся признанія своей независимости отъ суроваго и жестокаго Чама.

У.

Дѣло старшаго султана Каркаралинскаго окружнаго приказа подполковника Турсуна Чингисова съ тюленгутами его Тлеугабыловымъ и прочими по своей полнотѣ и богатству содержащихся въ немъ бытовыхъ подробностей занимаетъ первое мѣсто въ ряду архивныхъ дѣлъ, касающихся рабства и тюленгутизма въ киргизской степи. Въ предъидущемъ изложеніи, а именно въ третьей главѣ настоящаго очерка, нами уже приведены извлеченія изъ этого дѣла о происхожденіи и значеніи тюленгутовъ въ киргизскомъ быту. Теперь намъ предстоитъ прослѣдить тѣ фазисы борьбы, черезъ которые прошли старшій султанъ Чингисовъ, желавшій во чтобы ни стало удержать за собой тюленгутовъ въ званіи своихъ „дворовыхъ людей“ и сами эти тюленгуты, искавшіе свободы и независимости отъ султана Чингисова.

Характерныя фигуры Чингисова и судебного слѣдователя Скорины обрисовываются намъ въ этомъ дѣлѣ яркими и опредѣленными штрихами. Оба они приковываютъ вниманіе зрителя и прочно запечатлѣваются памятью. Любопытно шагъ за шагомъ прослѣдить за этими представителями двухъ противоположныхъ теченій, впервые лицомъ къ лицу сошедшихся помѣряться силами. Киргизскій родовитый начальникъ, облеченный властью и довѣріемъ русскаго правительства для управленія цѣлымъ округомъ, подполковникъ Турсунъ Чингисовъ впервые даетъ здѣсь генеральное сраженіе скромному представителю русской судебной власти петропавловскому окружному стряпчему Скоринѣ, пускаетъ въ ходъ все извѣстныя ему ресурсы, начиная съ хитрыхъ дипломатическихъ уловокъ азіата и кончая подкупами, угрозами и подлогами, но въ концѣ концовъ терпитъ пораженіе по всѣмъ пунктамъ своей программы. Весь ходъ этого дѣла и конечный

результатъ его должны были составить психологическій моментъ въ исторіи киргизской жизни, явившись откровеніемъ для тѣхъ изъ киргизовъ, которые, добившись того или другого положенія въ русско-киргизской службѣ, надѣялись при помощи этого положенія вершить и улучшать свои личныя дѣла имущественнаго и всякаго другого характера.

Въ февралѣ 1832 года старшій султанъ Каркаралинскаго окружнаго приказа подполковникъ Турсунъ Чингисовъ обратился въ этотъ приказъ съ заявленіемъ о томъ, что какіе то неизвѣстные ему злоумышленники разстраиваютъ его тюленгутовъ, внушая имъ, что при исчисленіи 1831 года они неправильно записаны якобы крѣпостными крестьянами Чингисова, почему и просилъ приказъ: сдѣлать тюленгутамъ надлежащее внушеніе, а злоумышленниковъ — подстрекателей разыскать и наказать по законамъ. Вскорѣ же послѣ сего заявленія тюленгуты Чингисова Джангабулъ Давлетъ—Кельдинъ и Дунгулекъ Ураскуловъ были вытребованы въ приказъ, гдѣ тогда же состоялось необходимое „надлежащее внушеніе“ и кромѣ того отъ тюленгутовъ зачѣмъ то были отобраны показанія о происхожденіи ихъ. Изъ этихъ будто бы показаній выходило, что дѣдъ ихъ Токатай прикочевалъ изъ Алчинской волости около 150 лѣтъ тому назадъ къ предку Турсуна Баракъ-хану и остался у него тюленгутомъ. Потомки его, образовавъ теперь (1832 г.) 30 юртъ, всегда считались тюленгутами Турсуна, слугами же или крестьянами никогда не были. Самъ Чингисовъ пояснялъ, что дѣдъ одного изъ тюленгутовъ Токатай присланъ былъ отъ урунджинскаго (?) хана Юлбарса въ подарокъ прадѣду Чингисова назадъ тому 200 лѣтъ, а предокъ другого тюленгута завоеванъ Баракъ-ханомъ при сраженіи съ башкирцами. По указанію Чингисова спрошены были бѣи и родонаачальники въ тѣхъ видахъ, что „если они подтвердятъ

ссылку Чингисова, что Джангабуль и Дунгулекъ дѣйствительно его тюленгуты, то въ такомъ случаѣ утвердить за нимъ этихъ людей съ потомствомъ (около 30 юртъ) и выдать на владѣніе ими свидѣтельство, дабы чрезъ невыдачу такового не дать повода другимъ тюленгутамъ къ отложенію отъ султановъ. Въ то же время былъ затронутъ Чингисовымъ вопросъ о тамгѣ этихъ тюленгутовъ: сами они прикладывали къ показаніямъ (въ дѣлѣ нѣтъ) не султанскую тамгу, а свою собственную (00—два кружка) и Чингисовъ поэтому требовалъ: „за прикладываніе къ показаніямъ фальшивой тамги и утайку настоящей (турсуновской, *та-ракъ*) ихъ наказать“.

Вытребованные въ приказъ бии и аульные старшины въ іюлѣ 1832 года, по свидѣтельству Каркаралинскаго приказа, показали, что они ничего не знаютъ о дѣдахъ названныхъ тюленгутовъ: кто они такіе, откуда пришли и какого происхожденія—неизвѣстно, слышали только, что Токатай пришелъ еще при Турсунъ-ханѣ около 200 лѣтъ тому назадъ, а Давлетъ—Кельды при Баракъ-ханѣ и поступили къ нимъ въ тюленгуты, оставаясь наслѣдственными сами и дѣти ихъ дѣтямъ означенныхъ хановъ, пока не достались отъ Чингисъ-хана сыну его Турсуну; на свой скотъ эти тюленгуты въ прежнее время прикладывали султанскія тавро и тамгу.

Производившій въ 1831 году исчисленіе скота засѣдатель приказа есаулъ Карбышевъ, въ виду возникшаго спора султана съ тюленгутами, былъ спрошенъ и объяснилъ, что въ названное время (1831 г.) означенныхъ Джангабула и Дунгулека онъ записалъ при старшемъ султанѣ Чингисовѣ подъ названіемъ тюленгутовъ со словъ ихъ самихъ, а не султана, въ присутствіи многихъ постороннихъ людей. Но тюленгуты сіи были помѣщены имъ не въ число султанскихъ рабовъ, а отдѣльно и изъ среды ихъ былъ да-

же выбранъ аульный старшина Истемесъ Тлеугабыловъ съ ввѣреніемъ ему въ управленіе двухъ ауловъ, изъ которыхъ въ одномъ значится 53 юрты, 3905 лошадей, 676 головъ рогатаго скота и 14510 барановъ.

Пока описанныя дѣла вершились, въ іюлѣ 1832 г. киргизы Алчинской волости рода Давлетъ-Кельды-Ураскульскаго, старшины Истемесъ Тлеугабыловъ и Ильчинбай Янкабуловъ, бѣи Янкабулъ Дулатовъ, Дунгулекъ Ураскельдинъ, Маляшъ, Дунгулекъ, Исенбай Урускуловъ¹⁾ и Кутюбекъ Баяновъ и др. подали Омскому областному начальнику прошеніе, въ которомъ изъясняли слѣдующее. Предки ихъ съ давнихъ лѣтъ присоединились къ Каракисецкой волости. При открытіи Каркаралинскаго округа они подпали подъ управленіе сего округа. Въ 1831 году, во время производившагося, по распоряженію начальства, исчисленія скота старшій султанъ Чингисовъ, безъ вѣдома просителей, записалъ ихъ въ число своихъ тюленгутовъ, объяснивъ имъ впослѣдствіи, что сдѣлалъ онъ это для ихъ же собственной пользы: чтобы избавить ихъ отъ платежа ясака. Но такъ какъ отъ названной подати они уклоняться не желаютъ и, будучи людьми свободными, готовы платить оную наравнѣ съ прочими свободными киргизами, то и просятъ--воспретить султану Чингисову считать ихъ своими тюленгутами. Въ подтвержденіе своей просьбы они представили пять удостовѣреній киргизскихъ старшинъ. Изъ удостовѣреній видно, что просители дѣйствительно свободные киргизы Алчинской волости и тюленгутами Чингисова ранѣе не состояли.

Спрошенный по поводу приведенной просьбы султанъ Чингисовъ повторилъ приведенныя выше сего объясненія о давней (200 лѣтъ!) принадлежности ему означенныхъ тюленгутовъ, но объясненія свои ника-

¹⁾ Урускуль-русскій рабъ, отецъ Исенбая.

кими письменными актами не подтвердилъ, ссылаясь на то, что по степнымъ обыкновеніямъ въ прежнія времена вообще никакихъ актовъ между киргизами не совершалось.

Поэтому областнымъ начальникомъ въ сентябрѣ 1832 года было поручено коллежскому ассесору Бѣленицыну отобрать отъ всѣхъ тѣхъ киргизовъ, которые дали удостовѣренія просителямъ, подтвердительныя показанія подъ присягою о происхожденіи сихъ послѣднихъ. Въ случаѣ если и султанъ Чингисовъ укажетъ своихъ свидѣтелей въ справедливости своего права, то и ихъ также спросить подъ присягою, буде просители не представляютъ уважительныхъ причинъ къ отводу ихъ отъ свидѣтельства.

Но дѣйствія Бѣленицына по этому порученію областнымъ начальствомъ были признаны неудовлетворительными по многимъ причинамъ. Такъ, онъ не спросилъ истцовъ, не имѣютъ ли они зазрѣнія на свидѣтелей султана Чингисова, не спросилъ свидѣтелей подъ присягой, не удостовѣрился, почему нѣкоторые свидѣтели-киргизы дали свои показанія султану Чингисову въ одномъ смыслѣ, а истцамъ въ другомъ, совершенно противоположномъ; не спрошены двое изъ отыскивающихъ свободу тюленгутовъ — Джангабулъ Давлетъ-Кельдинъ и Дунгулекъ Ураскуловъ, давшіе 5 марта 1832 года Каркаралинскому окружному приказу показаніе, въ которомъ они сознались, что дѣдъ ихъ Токатай самъ прикочевалъ изъ Алчинской волости и поступилъ въ тюленгуты Баракъ-хана, предка Турсуна Чингисова.

Дѣйствіями Бѣленицына остались недовольны и отыскивавшіе свободу тюленгуты. Такъ, въ прошеніи Джумубая Дунгулекова и Кульджена Тлеугабылова содержится жалоба на Бѣленицына, который, дескать, по прибытіи на мѣсто изслѣдованія обратилъ довѣріе его п—ва во зло, безвыходно находясь въ гостяхъ у

старшаго султана Чингисова, и дѣлалъ, повидимому, то, что надо было Чингисову, не спрашивая ни родителей нашихъ, ни насъ, ни выставленныхъ нами свидѣтелей. Призвавши насъ къ себѣ, приказывалъ намъ къ какимъ то имъ написаннымъ бумагамъ приложить руки. Мы же, не зная, что написано въ тѣхъ бумагахъ, отказались приложить руки. Тогда г. Бѣленицынъ, озлобясь за сие, взявъ Джанкабыла, сына его Ильчибая, Дунгулека, сына его старшину Мулдача; Байгулова, брата его старшину Истемеса, Тюлебая, Карчибая и Каканбая, посадилъ подъ арестъ и продолжалъ семь сутокъ, а потомъ потребовалъ къ себѣ и вновь приказывалъ имъ подписаться въ томъ, что они принадлежатъ султану Чингисову. Но такъ какъ они не согласились, то посадилъ ихъ опять подъ караулъ, самъ уѣхалъ въ Омскъ, а они и понынѣ содержатся подъ стражею, но за что именно — неизвѣстно.

Не смотря однако на признанную завѣдомую неудовлетворительность слѣдственного дознанія Бѣленицына, областной начальникъ, основываясь на двухъ свидѣтельствахъ отъ 1 и 15 ноября 1832 года, выданныхъ султану Чингисову за подписями султановъ, почтенныхъ старшинъ и биевъ, отказалъ въ просьбѣ ищущимъ свободы киргизамъ, предписавъ въ декабрѣ 1832 года Каркаралинскому приказу внушить просителямъ, что „званіе тюленгутовъ, въ коемъ они состоятъ нынѣ, не есть крестьянское, но они обязаны почитать своего султана и повиноваться ему какъ слуги, и какъ сие было у нихъ искони. А какъ несправедливая жалоба ихъ на Турсуна можетъ послужить поводомъ и другимъ уклоняться отъ сего званія и повиновенія своимъ родоначальникамъ, то, дабы обуздать таковой вредный для самихъ киргизовъ поступокъ, поручилъ приказу главнѣйшихъ изъ жалобщиковъ, по назначенію султана Чингисова, выдержать подъ гауптвахтнымъ карауломъ 7 дней и отдать Туреуну“.

Названные выше 2 свидѣтельства, рѣшившія участь тюленгутовъ, даны Турсуну 1 и 15 ноября 1832 года. Въ одинаковыхъ выраженіяхъ въ обоихъ говорится о томъ, что отыскивающіе свободу Дунгулекъ и Джангабуль дѣйствительно *дворовые люди или тюленгуты* старшаго султана Каркаралинскаго окружнаго приказа подполковника Турсуна Чингисова. Ирадѣдъ Дунгулека по имени Токатай назадъ тому 200 лѣтъ присланъ отъ Урунджинскаго владѣльца Юлбарсъ-хана въ числѣ разныхъ подарковъ Турсунъ-хану. Отецъ второго, т. е. Джангабула при сраженіи съ башкирцами завоеванъ малолѣтнимъ. Оба свидѣтельства скрѣплены приложеніемъ печатей и тамговъ.

Въ этихъ, повидимому, убѣдительныхъ свидѣтельствахъ сразу оказался одинъ бросающійся въ глаза существенный недостатокъ: въ числѣ подписавшихся подъ ними удостовѣрителей оказалось трое такихъ, которые тюленгутамъ дали удостовѣреніе въ томъ, что они не тюленгуты султана Чингисова, а свободные киргизы Алчинской волости. Впослѣдствіи оказалось даже, что оба документа составлены преступнымъ путемъ — чрезъ совершеніе подлога! Но какъ уже выше замѣчено, эти документы рѣшили участь тюленгутовъ, Областное начальство стало всецѣло на сторону Турсуна и распорядилось о примѣрномъ приведеніи ихъ въ повиновеніе. Даже генералъ-губернаторъ Западной Сибири Вельяминовъ въ февралѣ 1833 года счелъ необходимымъ въ своемъ письмѣ къ Турсуну написать объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„По просьбамъ вашимъ, высокопочтеннѣйшій султанъ, я, уважая постоянную приверженность вашу къ Россійскому правительству, предложилъ г. областному начальнику привести въ должное повиновеніе принадлежащихъ вамъ тюленгутовъ и внушить имъ содержаніе 277 § Высочайше утвержденнаго Устава о сибирскихъ киргизахъ, по коему состоявшіе въ 1822

году невольники ихъ должны оставаться при владѣтеляхъ съ правомъ продажи, передачи и наслѣдственного владѣнія. Въ противномъ же случаѣ поступить съ ослушниками по строгости законовъ, ибо они съ обнародованія Устава и доселѣ пребывали въ своемъ состояніи спокойно, объявляя себя вашими тюленгутами и свободы не искали“.

Турсунъ, конечно, не преминулъ воспользоваться мѣрами строгости, рекомендованными ему областнымъ начальствомъ для приведенія въ покорность тюленгутовъ-жалобщиковъ. Но жалобы не прекращались. Вскорѣ же послѣ сего двое старшинъ Истемесъ Тлеугабыловъ и Мулдачъ Дунгулековъ подали новое прошеніе, въ которомъ опять жаловались на Турсуна Чингисова, что этотъ послѣдній считаетъ ихъ, свободныхъ людей, своими тюленгутами, приравнивая ихъ къ слугамъ и крестьянамъ. За прошеніемъ этихъ двухъ тюленгутовъ послѣдовало еще прошеніе двухъ: Джумубая Дунгулекова и Кульджана Тлеугабылова, которые вносъ представляли свидѣтельства въ томъ, что они происходятъ изъ алчинскихъ киргизовъ и султану Турсуну не принадлежать.

Такимъ образомъ выяснилась необходимость переслѣдованія означеннаго дѣла объ отыскивающихъ свободу тюленгутахъ. Новое слѣдствіе было поручено петропавловскому окружному стряпчему Скоринѣ. Областное начальство, если только оно желало справедливаго для обѣихъ сторонъ разбора дѣла, не могло сдѣлать лучшаго выбора. Умѣлый, энергичный и добросовѣстный слѣдователь Скорина въ теченіе своего полугодичнаго пребыванія въ Каркаралинскѣ въ 1833 году поставилъ слѣдствіе на такую высоту и сообщилъ дѣлу столь сильный толчокъ, что исходъ тяжбы Чингисова съ тюленгутами съ этого времени можно было уже считать предрѣшеннымъ.

Въ порученіи своемъ областной начальникъ предпри-

сывалъ слѣдователю соблюденіе самой строгой справедливости въ отношеніи обѣихъ сторонъ и въ заключеніе рекомендовалъ принципиально выяснить значеніе званія „тюленгутъ“ въ киргизскомъ быту. Для этого „требовалось опросить нѣсколько человѣкъ изъ извѣстнѣйшихъ и значительнѣйшихъ бѣевъ: какимъ образомъ приобрѣтались у нихъ тюленгуты и невольники, какое между ними различіе и имѣютъ ли первые право, по киргизскимъ законамъ, оставлять прежнихъ владѣльцевъ и переходить къ другимъ по желанію“.

Прибывъ для производства слѣдствія въ іюнѣ 1833 года стряпчій Скорина нашелъ 6 человѣкъ изъ отлагающихся тюленгутовъ все еще въ заключеніи подъ присмотромъ Чингисова и донесъ 4 іюля по начальству, что эти узники „безпрестанно выпрашиваютъ у него позволенія кочевать до окончанія дѣла въ Дюсенбай-Ченчековской волости, гдѣ они искони находились, а не при юртахъ Чингисова“. Эти же томившіеся въ заключеніи отлагающіеся тюленгуты жаловались между прочимъ слѣдователю на жестокое обращеніе съ ними Чингисова, который, по ихъ словамъ, часто призываетъ ихъ въ домъ дивана (т. е. приказа) и безвинно наноситъ имъ личные (?) побои, а также чинитъ другія притѣсненія, насилія и самоуправство.

На другой же день по прибытіи своемъ въ Каркаралинскъ 14 іюня 1833 г. слѣдователь Скорина обратился къ султану Турсуну Чингисову съ формальнымъ требованіемъ: назначить съ своей стороны депутата для бытія при производствѣ слѣдствія по дѣлу объ отлагающихся отъ него въ числѣ 30 кибитокъ тюленгутовъ и сообщить другія необходимыя для слѣдствія и дѣла свѣдѣнія. Доставленіе требуемыхъ данныхъ по дѣлу слѣдователь просилъ произвести поспѣшнѣе, такъ какъ у него были еще другія порученія, требовавшія исполненія въ то же лѣто.

Дѣло всетаки двигалось не такъ скоро, какъ рассчитывалъ слѣдователь. Притѣснитель тюленгутовъ Турсунъ Чингисовъ „изъ свойственной ему политики“, какъ доносилъ начальству Скорина, не только не спѣшилъ доставленіемъ свѣдѣній, но и совсѣмъ не отвѣчалъ на требованіе слѣдователя, которому пришлось лично, въ присутствіи приказа, поддерживать свои требованія къ Турсуну и затѣмъ еще разъ послать ему оффиціальную бумагу о томъ же. Наконецъ уже чрезъ 15 дней спустя, 30 іюня, Чингисовъ, приславъ слѣдователю „отношеніе“ за № 19, въ которомъ вмѣсто назначенія просимыхъ отъ него депутатовъ и представленія документовъ, могущихъ подтвердить его права на владѣніе отлагающимися тюленгутами, онъ великоколѣпно ссылаясь на то, что такъ называемые тюленгуты на допросѣ 5 марта 1832 года въ присутствіи приказа сами сознались, что они дѣйствительно тюленгуты его, Турсуна, „а за симъ уже сознаніемъ— такъ продолжалъ Чингисовъ: я на отношеніе ваше не могу дать никакого удовлетворительнаго отвѣта. Сверхъ того тюленгуты эти генераль-губернаторомъ Западной Сибири и Омскимъ областнымъ начальникомъ признаны и утверждены моими слугами не безъ всякаго основанія“. При отношеніи этомъ была приложена приведенная выше выписка изъ письма генераль-губернатора Западной Сибири Вельяминова къ Турсуну отъ 14 февраля 1833 года¹⁾.

Слѣдователь Скорина, получивъ это „отношеніе“ Чингисова, поступилъ, судя по донесенію его отъ 4 іюля 1833 г., такъ.

„Принявши отвѣтъ Чингисова въ двоякомъ значеніи, т. е. или онъ не довѣряетъ, чтобы г.г. генераль-

¹⁾ Эта выписка находится въ архивномъ дѣлѣ и кромѣ того напечатана г. Букейхановымъ въ Памят. Книж. Сем. обл. на 1901 годъ.

губернаторъ и областной начальникъ, послѣ тѣхъ распоряженій, на коихъ онъ основываетъ свои права на сихъ людей, дѣлали вновь какія либо пополненія къ развязкѣ тяжбы, или же не желаетъ, чтобы я производилъ слѣдствіе и, изъ свойственной ему политики, не хочетъ объяснить этого открыто, а просить начальство особо о перемѣнѣ меня и только для выигрыша времени далъ мнѣ такой отвѣтъ. Для окончательнаго разрѣшенія вопроса, я прибѣгнулъ къ послѣднему средству: въ полномъ присутствіи приказа предъявилъ Чингисову данное мнѣ предписаніе г. областного начальника со всѣми приложениями и, сдѣлавъ содержаніе ихъ извѣстнымъ, убѣждалъ его съ помощью засѣдателя Таранова и секретаря приказа въ томъ, что распоряженіе о производствѣ слѣдствія послѣдовало послѣ предъявляемыхъ имъ предписаній и потому просилъ дать удовлетворительный отвѣтъ на мое требованіе или же, если прежній его отвѣтъ заключаетъ скрытый отводъ меня отъ слѣдствія, то объявить объ этомъ въ присутствіи приказа, безъ всякихъ опасеній въ разсужденіи моихъ возраженій на оный. Но сіе предпріятіе мое—пишетъ далѣе Скорина—кончилось тѣмъ, что г. Чингисовъ рѣшительно отказался давать отвѣты кому бы то ни было до тѣхъ поръ, пока генераль-губернаторъ и областной начальникъ не разрѣшатъ чѣмъ либо прежнихъ своихъ предписаній по дѣлу“.

Высшее областное начальство поддержало на этотъ разъ законныя требованія слѣдователя и подполковнику Чингисову отъ имени генераль-губернатора Западной Сибири было объявлено, что „принадлежность или непринадлежность ему тюленгутовъ, какъ бы крѣпостныхъ его людей, ищущихъ вольности, не можетъ быть рѣшена ни мною, ни областнымъ начальникомъ, но должна быть изслѣдована по россійскимъ законамъ и рѣшена областнымъ судомъ, а потому онъ обязанъ

безпрекословно дать отвѣты слѣдователю Скоринѣ“.

Вооружившись столь солидными подкрѣпленіями, Скорина ровно черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Каркаралинскъ 14 августа вновь обратился съ требованіями, предъявленными имъ Чингисову два мѣсяца тому назадъ. Однако и теперь великолѣпный Турсунъ все еще продолжалъ спѣшить очень медленно. Онъ, какъ доносилъ Скорина 30 августа, дѣлалъ слѣдователю безпрестанные намеки на то, что объ отлагательствѣ тюленгутовъ не должно быть никакого слѣдствія по внутреннимъ російскимъ законамъ, а тяжба его съ ними, по Уставу о киргизахъ, должна быть разбирача по степнымъ ихъ обычаямъ“. Слѣдователь Скорина, указавъ Чингисову на отсутствіе положенія о тюленгутахъ, доказывалъ ему необходимость формальнаго слѣдствія и Турсунъ какъ будто соглашался съ нимъ и общалъ удовлетворить его требованія, но откладывалъ подъ разными предлогами исполненіе своего общанія. „Наконецъ третьяго дня, т. е. 28 августа, пишетъ Скорина: при настоятельномъ моемъ требованіи сказалъ, что не скоро еще будетъ отвѣчать, потому что забираетъ свѣдѣнія, не имѣютъ ли тюленгуты родственныхъ или другихъ какихъ связей со всѣми тѣми людьми, которыхъ поставляютъ въ свидѣтели какъ въ здѣшнемъ округѣ, равно и въ другихъ“.

Конечно, Турсунъ дѣйствовалъ такимъ образомъ только „изъ свойственной ему политики“,—это хорошо видѣлъ и самъ слѣдователь. О побудительныхъ причинахъ такихъ дѣйствій Чингисова слѣдователь Скорина 30 августа писалъ слѣдующее. „Главною причиною медленности въ дачѣ отвѣтовъ, насколько мнѣ извѣстно по мѣстнымъ обстоятельствамъ, является предположеніе Чингисова: заставить дальнѣйшимъ еще содержаніемъ подъ стражею тюленгутовъ прекратить дѣло сіе безъ слѣдствія и оставить тюленгутовъ

въ зависимости отъ него, къ чему онъ чрезъ приближенныхъ своихъ склонялъ уже тюленгутовъ, обѣщая имъ доставлять всевозможныя выгоды, но какъ они не согласились на это и представили депутата со стороны своей и нѣсколькихъ человѣкъ свидѣтелей изъ отдаленныхъ алчинскихъ родовъ, то Чингисовъ чрезъ угрозы, побои и содержаніе нѣкоторыхъ подъ стражею заставилъ ихъ возвратиться въ свои мѣста, а въ другихъ черезъ такія дѣйствія поселилъ страхъ и далъ поводъ уклоняться отъ свидѣтельства, особенно когда они въ наступающемъ сентябрѣ мѣсяцѣ разойдутся отдѣльно по своимъ зимнимъ кочевьямъ. И такъ долженъ буду я, подобно лѣту, провести и зиму безъ всякой для службы пользы, тѣмъ болѣе, что съ установленіемъ зимы прекращается совсѣмъ почти сообщеніе съ отдаленными волостями, въ особенности при глубокихъ снѣгахъ*.

Только что слѣдователь успѣлъ изобразить начальству свое отчаянное положеніе и сдать свою бумагу на почту, Чингисовъ 30 августа вечеромъ прислалъ ему наконецъ отношеніе отъ 29 августа, начинавшееся словами: „повинуясь распоряженію начальства“...

И въ этой бумагѣ, конечно, не обошлось безъ политики. Турсунъ назначалъ отъ себя депутатомъ старшину Сагандыка Сыванбаева, но никого изъ выставленныхъ тюленгутами свидѣтелей допустить къ показаніямъ не хотѣлъ. Перечисливъ имена 22 изъ нихъ, онъ заявляетъ, что эти лица имѣютъ между собою ближайшее сватовство, какъ это у насъ въ степи водится: другъ у друга берутъ дочерей за сыновей и посему случаю свидѣтелями быть въ семъ дѣлѣ не могутъ. Одинъ свидѣтель въ 1827 году былъ наказанъ, а киргизы прочихъ волостей прошлаго 1832 года отвергли россійское правительство и удалились въ глубь степей. Далѣе 7 свидѣтелей при бывшемъ государѣ Павлѣ и бывшемъ Букей-ханѣ ограбили караванъ, от-

правленный въ Кашгарію. Киргизы свидѣтели изъ Атагай-караульскихъ волостей имѣли съ букеевскимъ родомъ распръ. Но лучше всего отводъ остальныхъ 17 свидѣтелей, выставленныхъ тюленгутами. Перечисливъ имена ихъ, Турсунъ Чингисовъ писалъ: „сіи вышезначущіе люди какихъ именно волостей неизвѣстно. *Но ежели было бы означено такой то волости, тогда можетъ быть могъ бы знать о поведеніи оныхъ.* Но вообще видно, что внимательномъ вникнутіи въ обстоятельства дѣла сего, что рѣшеніе онаго должно быть основано на однихъ изустныхъ преданіяхъ, подтверждаемыхъ и въ настоящее время какими либо памятниками или знаками. Ибо ежели правительство нашло затрудненіе въ рѣшеніи вопроса о принадлежности мнѣ тюленгутовъ—слугъ, встрѣтивъ съ обѣихъ сторонъ свидѣтельскія показанія, и ежели свидѣтели съ обѣихъ сторонъ подтверждать права той и другой стороны, то какъ быть? Принять за основаніе большинство свидѣтелей? вопрошаетъ Турсунъ и тутъ же остроумно отвѣчаетъ: но можетъ быть мало стоящихъ вѣры, а съ другой стороны много не заслуживающихъ оной! Основаться на честности ихъ? Но возможно ли изслѣдовать честность каждаго?! По моему мнѣнію, свидѣтель долженъ дѣйствительнымъ быть свидѣтелемъ (очевидцемъ) въ томъ, что онъ дѣйствительно знаетъ. Кто-жъ изъ выставленныхъ свидѣтелей утвердительно можетъ сказать, что происходило въ киргизской степи за 200 или за полтора ста лѣтъ вообще важнѣйшаго, а не о происхожденіи какого либо тюленгута?! Безъ всякаго сомнѣнія всякій долженъ сказать: „я слышалъ!“ Послѣ сего, можетъ ли быть уже онъ принятъ свидѣтелемъ, ежели рѣшается утвердить подъ присягою самъ справедливость слышаннаго отъ другихъ?! Ежели свѣдѣнія мои о происхожденіи отыскивающихъ вольности тюленгутовъ—слугъ и право мое на владѣніе ими основываются на преданіяхъ, то преданія сіи не толь-

ко вѣроятны, но даже не подвержены никакому сомнѣнію. Впервыхъ, Турсуну-хану и Баракъ-хану безъ всякаго сомнѣнія извѣстно было, откуда поступили къ нимъ слуги Токатай и Давлетъ-кельды, а ими, безъ всякаго сомнѣнія, не могло не быть сообщено вѣрно о происхожденіи ихъ сыновьямъ своимъ, отъ коихъ перешло къ ихъ сыновьямъ и такъ далѣе до меня. Ибо распоряжаясь людьми, нельзя уже не знать, кто они такіе. Во вторыхъ, преданія сіи неоспоримо уже подтверждаются, не подвергаясь никакому сомнѣнію, современными обстоятельствами и знаками, а именно: означенные тюленгуты со времени уже открытія Каркаралинскаго округа въ собственныхъ своихъ прошеніяхъ и прочихъ бумагахъ въ приказъ именовали себя тюленгутами и даже во время самага отложенія въ показаніяхъ своихъ въ присутствіи приказа сами объявили, что предки ихъ за 150 лѣтъ поступили къ предкамъ моимъ, скрывъ только настоящее откуда“.

„Ежели тюленгуты—слуги основываютъ вольность свою на преданіяхъ же, то пусть опровергнуть мое доказательство и въ подтвержденіе преданій, на которыхъ они основываются, представляютъ также современные сильнѣйшія доказательства“.

Однимъ словомъ, подполковникъ султанъ Чингисовъ былъ противъ отпаденія отъ него тюленгутовъ и употреблялъ всѣ средства для достиженія своей власти надъ ними.

Послѣ описанныхъ событій протекло еще болѣе полумѣсяца. 15 сентября слѣдователь Скорина вынужденъ былъ доносить Омскому областному начальнику о положеніи дѣла въ такихъ выраженіяхъ.

„Послѣ сего (послѣ бумаги 30 августа) Чингисовъ до 9 числа сентября не давалъ назначеннаго со стороны своей депутата, обѣщаясь только на каждое мое требованіе по нѣсколько разъ въ день—прислать его непременно, а самъ тѣмъ временемъ склонялъ тюлен-

гүтовъ къ прекращенію тяжбы миромъ. Но когда не получилъ удовлетворенія въ этомъ, то въ означенное число прислалъ депутата и лишь только успѣлъ я отобрать показаніе отъ одного изъ содержащихся подъ стражею тюленгүтовъ, какъ онъ вновь, для затяжки слѣдствія, прислалъ 12 числа отношеніе, въ которомъ говоритъ, что отпустилъ депутата своего на два дня въ юрты по случаю болѣзни жены и проситъ до возвращенія его производствомъ слѣдствія остановиться, а вчерашняго числа и самъ уѣхалъ изъ Каркараловъ въ мѣста кочевьевъ своихъ, не давши по требованію моему другого депутата. Тотъ же еще не скоро возвратится, какъ сказалъ посланному за нимъ отъ меня сего числа писмоводитель Чингисова Амировъ.

„Сколько ни совѣстно мнѣ — писалъ далѣе Скорина: беспокоить ваше пр—во безпрестанными жалобами на ухищренія Чингисова къ оттяжкѣ слѣдствія, но чтобы положить какойнибудь конецъ дальнѣйшему его упрямству, я вынужденнымъ нашелся донести вашему пр—ву объ означенномъ послѣднемъ поступкѣ его и всепокорнѣйше прошу васъ принять съ своей стороны мѣры къ пресѣченію изворотовъ его къ протяжкѣ слѣдствія, происходящихъ изъ одного предпринятаго имъ намѣренія: заставить тюленгүтовъ долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею бросить искъ свой и покориться волѣ его“.

Но и такого рода донесенія по начальству мало улучшали положеніе слѣдователя, и дѣло по прежнему подвигалось медленно. Турсунъ изыскивалъ всякіе поводы къ затяжкѣ дѣла. Такъ 12 октября онъ вновь въ особомъ отношеніи за № 48 заявилъ отводъ свидѣтелей, выставленныхъ тюленгүтами по причинамъ, объясненнымъ имъ въ бумагѣ отъ 29 августа. Считая свои доводы къ отводу чрезвычайно вѣскими, великолѣпный Турсунъ, напомнивъ о нихъ, обращается теперь уже къ доказательствамъ отъ противнаго предположе

нія, ядовито восклицая: „Быть можетъ, что у Баракъ-хана, управлявшаго Ташкеніей, не было ни одного слуги, а равно у хановъ Букея и Чингиса?! и ежели были, то гдѣ же они теперь?!“

Не смотря на ухищренія Чингисова, слѣдствіе хотя и медленно, но подвигалось впередъ: въ Каркаралинскѣ были вытребованы выставленные тюленгутами свидѣтели и слѣдователь готовъ былъ уже приступить къ опросу ихъ, но къ этому времени мѣра терпѣнія Чингисова оказалась уже переполненной. 19 октября онъ заявилъ слѣдователю, что прибывшіе въ Каркаралинскѣ свидѣтели тюленгутовъ проживаютъ на счетъ этихъ тюленгутовъ въ ихъ даже юртѣ и дали имъ тюленгуты зарѣзать на пищу двухъ кобылъ и шесть трехлѣтнихъ барановъ. „По такому случаю, восклицаетъ Турсунъ—депутата съ моей стороны дать не могу!“

Не далъ этого депутата и Каркаралинскій окружный приказъ, къ которому слѣдователь Скорина обращался 20 октября, поэтому дальнѣйшее производство слѣдствія—допросъ свидѣтелей—шло безъ депутата со стороны Чингисова.

Четыре дня спустя послѣ отказа въ присылкѣ депутата Чингисовъ, видя, что это слѣдствія не останавливаетъ, вновь обратился къ слѣдователю Скоринѣ съ заявленіемъ объ отводѣ свидѣтелей, такъ какъ они находятся въ сватовствѣ съ тюленгутами и пріѣхали въ Каркаралинскъ по найму этихъ послѣднихъ.

Слѣдователь Скорина отвѣтилъ на это Чингисову въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Изъ поименованныхъ вами людей многихъ я вовсе не видѣлъ и не знаю, были ли они здѣсь или нѣтъ, а спрашивалъ только тѣхъ, коихъ вы сами назвали „почетнѣйшими людьми“ въ отношеніи вашемъ прежнему слѣдователю Бѣленицыну отъ 24 ноября 1832 года и коихъ вы поставили свидѣтелями со стороны своей, а не тюленгуты ваши. Слѣдовательно, если кто изъ нихъ и состоитъ

въ сватовствѣ съ тюленгутами, то зачѣмъ же было вамъ дѣлать на нихъ ссылку и брать отъ нихъ свидѣтельства, что люди тѣ ваши тюленгуты“....

Спрошенные слѣдователемъ 11 лицъ, выставленныхъ тюленгутами и отводимыхъ теперь Чингисовымъ, не смотря на то, что имена и печати ихъ скрѣпляли свидѣтельства о принадлежности ему тюленгутовъ, всѣ показали слѣдователю, что они такихъ свидѣтельствъ Чингисову не давали. Появленіе же именъ ихъ и печатей подъ свидѣтельствами, представленными Чингисовымъ, объясняется мошенничествомъ его, Чингисова. Онъ убѣдилъ свидѣтелей предоставить ему свои печати для приложенія будто бы къ прошенію объ оставленіи въ Каркаралинскѣ переводимаго начальствомъ засѣдателя Таранова.

Нечего говорить о томъ, что выясненіе подобнаго мошенническаго поступка Чингисова не мало содѣйствовало рѣшенію дѣла въ пользу тюленгутовъ.

Въ той же бумагѣ Скорины находится резюмѣ всѣхъ отношеній Чингисова къ тяжбѣ его съ тюленгутами. „Вы въ своихъ отвѣтахъ—писалъ Скорина—требуете только безусловной вѣры однимъ изъясненіямъ своимъ, основаннымъ на изустныхъ преданіяхъ предковъ, и хотите, чтобы, при устраненіи всѣхъ свидѣтелей тюленгутовъ, были спрошены только султаны ближайшіе ваши родственники, что не допускается даже и между киргизскимъ полудикимъ народомъ. Отказъ вашъ въ личномъ присутствіи при приводѣ мною къ присягѣ свидѣтелей вашихъ и бедача депутата не доказываютъ еще несправедливости дѣйствій моихъ, но ближе обнаруживаютъ неповиновеніе ваше волѣ начальства, поручившаго мнѣ слѣдствіе сіе“.

Но Чингисовъ былъ положительно не подражаемъ въ придумываніи разнаго рода препятствій, замедлявшихъ слѣдствіе. Недѣлю спустя, 1 ноября 1833 г. мулла титулярный совѣтникъ Салихъ Сагитовъ зая-

вилъ слѣдователю, что онъ болѣе не можетъ приводить свидѣтелей къ присягѣ, такъ какъ ему воспретилъ дѣлать это старшій султанъ Чингисовъ, повѣлѣвшій сему муллѣ находиться въ собственномъ его домѣ для совершенія молитвъ и мулла уже не можетъ преступить это приказаніе султана изъ боязни навлечь на себя притѣсненіе отъ г. Чингисова.

20 ноября Чингисовъ прислалъ слѣдователю еще „отношеніе“, въ которомъ ссылался на то, что у всѣхъ тюленгутовъ, отлагающихся отъ него въ настоящее время, лошади заклеены его султанскимъ тавромъ, кромѣ того лѣвое ухо вырѣзано ивернемъ и лѣвая ноздря порота, а у прочихъ киргизовъ такихъ знаковъ на скотѣ не имѣется.

Такимъ образомъ, слѣдствіе, не смотря на умѣлое и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу слѣдователя Скорины, и черезъ полугодіе послѣ его прибытія въ Каркаралинскъ продолжало подвигаться очень медленно. Вызываемые черезъ Каркаралинскій окружный приказъ свидѣтели не являлись въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и приказъ въ отвѣтъ на требованіе слѣдователя о высылкѣ къ нему нужныхъ свидѣтелей отписывался такими бумагами: „Производимое вами слѣдствіе не есть уголовное или общественное, а частныхъ людей, отыскивающихъ вольности, съ владѣльцемъ, а потому о вызовѣ выставленныхъ свидѣтелей и должна болѣе стараться та сторона, съ которой они выставлены свидѣтелями.... Когда люди сіи (свидѣтели) придутъ, приказъ удостовѣрить тоже не можетъ“....

Пока описываемая волокита шла своимъ чередомъ отыскивавшіе свободу тюленгуты Чингисова все еще продолжали томиться въ заключеніи, и просьба ихъ о дозволеніи кочевать до рѣшенія дѣла и представленія о томъ же слѣдователя Скорины оставались глаголомъ вопіющаго въ пустынь. А въ концѣ концовъ энергическое разслѣдованіе дѣла, предпринятое Ско-

риною, даже вызвало къ себѣ странное отношеніе со стороны высшаго начальства края. Такъ въ ноябрѣ 1833 года слѣдователю по приказанію генералъ-губернатора Западной Сибири Омскимъ областнымъ начальникомъ было сообщено предложеніе: „воспретить султану Турсуну Чингисову содержать подъ стражею и угнетать своихъ тюленгутовъ, особенно удостоившихся отличій и офицерскихъ чиновъ, *и чтобы сообразно общему ихъ согласію. тюленгуты были въ отношеніи къ нему, какъ и предки ихъ къ ханамъ—дядю его Букею и отцу Чингису. Съ приведеніемъ сего въ исполненіе, если обѣ стороны будутъ довольны, то и слѣдствіе о принадлежности тюленгутовъ султану Чингисову прекратить*“, при этомъ слѣдователю рекомендовалось „приложить свое стараніе къ окончанію дѣла, поспѣшивъ затѣмъ отбытіемъ своимъ къ вашей дѣятельности“... Въ архивномъ дѣлѣ, изъ котораго извлекаются данныя по настоящей люпопытной во всѣхъ отношеніяхъ исторіи, къ сожалѣнію, не сохранилось отвѣта слѣдователя Скорины на приведенное предписаніе Омскаго областного начальника. Нѣтъ сомнѣнія, что осуществленіе рекомендованныхъ въ предписаніи мѣръ было бы равносильно неправому торжеству старшаго султана Чингисова надъ задумавшимися отложиться отъ него тюленгутами. Къ прекращенію слѣдствія именно и были направлены, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, всѣ усилія Чингисова.

Такъ или иначе слѣдствіе по дѣлу остановлено не было, вѣроятно, по замѣтному отсутствію обоюднаго согласія сторонъ. Означенное предписаніе областного начальника было получено на мѣстѣ 11 декабря 1833 г., а въ дѣлѣ имѣются протоколы судебного слѣдствія Скорины отъ 20 декабря того же года. Но въ началѣ 1834 года дальнѣйшее слѣдствіе ведется уже Каркаралинскимъ окружнымъ приказомъ вплоть до февраля—марта 1836 года, т. е. еще болѣе двухъ лѣтъ!

Старшій султанъ Турсунъ Чингисовъ по прежнему обращался къ начальству съ разными заявленіями, отводами свидѣтелей и пр., и пр. Такъ между прочимъ онъ просилъ генералъ-губернатора Западной Сибири: дозволить ему по дѣлу съ тюленгутами довѣрить своимъ двумъ братьямъ отвѣчать вмѣсто его; выбрать съ его стороны для сужденія того дѣла султановъ другого рода, а не простыхъ біевъ, ибо сіе, по знатности его происхожденія, противно киргизскимъ законамъ; оставить его старшимъ султаномъ. Всѣ эти просьбы начальствомъ были отвергнуты: никакого измѣненія въ законномъ рѣшеніи дѣла произведено не было, а въ виду жалобъ старшинъ и біевъ Каракисецкихъ волостей въ разныхъ притѣсненіяхъ онъ до окончательнаго разслѣдованія не можетъ быть утвержденъ старшимъ султаномъ.

И такъ, добродѣтель мало по малу начинала торжествовать!

Въ это время Турсунъ Чингисовъ узнаетъ, что областное начальство, сообразуясь съ заявленіями его, сдѣланными въ 1833 и 1834 г.г., постановило, чтобы дѣло по иску тюленгутами его вольности предоставлено было разбирательству біевъ по киргизскимъ обычаямъ. Тогда Чингисовъ обращается съ заявленіемъ, въ которомъ между прочимъ изъясняетъ о неимѣніи въ киргизской степи закона, чтобы тюленгуты съ своими султанами судились біями, а въ російскихъ узаконеніяхъ не содержится правилъ, по коимъ бы дворянинъ съ людьми своими могъ судиться подобными симъ послѣднимъ; а потому онъ, Чингисовъ, не рѣшаясь нарушить степного обычая и отдаться суду тѣхъ, кои ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть ему равными, проситъ разсмотрѣть помянутое дѣло судебнымъ порядкомъ. Совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири, принявъ во вниманіе, что въ настоящемъ дѣлѣ отыскиваютъ свободу тюленгуты изъ владѣнія

старшаго султана Турсуна Чингисова, имѣющаго штабъ-офицерскій чинъ россійской службы, а старшины и бии, если не имѣютъ дѣйствительныхъ чиновъ, считаются наравнѣ только съ сельскими головами; то по симъ обстоятельствамъ Совѣтъ главнаго управленія не можетъ не признать уважительною изъясненной просьбы султана Чингисова и потому примѣнительно къ ст. 2118 т. 10 Гражд. Зак., въ которой сказано: „дѣла людей, отыскивающихъ свободы изъ крѣпостного владѣнія, подлежатъ вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ по званію отвѣтчика“, полагаетъ: предоставить означенное дѣло разсмотрѣть и рѣшить по киргизскимъ законамъ въ Каркаралинскомъ окружномъ приказѣ съ тѣмъ, чтобы для обсуживанія и рѣшенія онаго дѣла вмѣсто подполковника Чингисова назначенъ былъ за предсѣдателя того приказа кто либо другой по усмотрѣнію областного начальника.

Наконецъ въ февралѣ—мартѣ 1836 года было приступлено къ судебному разбирательству дѣла въ Каркаралинскомъ приказѣ. Выбранный предсѣдатель Бирала Токовъ былъ предложенъ на согласіе тяжущихся сторонъ, при чемъ тюленгуты допустили его, какъ „султана почетнаго и въ дѣлахъ справедливаго, не смотря на то, что онъ, Бирала, свать и родственникъ Чингисова“, но Турсунъ Чингисовъ не принялъ Биралу „по короткой связи его съ тюленгутами, хлѣбосольству и дружбѣ“ и просилъ о назначеніи предсѣдателемъ кого либо изъ сосѣднихъ старшихъ султановъ, приходившихся ему родственниками. По представленію Каркаралинскаго окружнаго приказа Омскій областной начальникъ усмотрѣлъ въ отводѣ, заявленномъ Чингисовымъ, одно изъ средствъ затянуть разбирательство дѣла, и допустилъ Биралу Токова предсѣдателемъ.

Журнальнымъ постановленіемъ суда 31 іюля 1836 г. инципіе свободы тюленгуты были объявлены свобод-

ными и независимыми, а султану Турсуну Чингисову въ притязаніяхъ его было отказано.

Такимъ образомъ тюленгуты были удовлетворены, но великолѣпный Турсунъ постановленіемъ суда остался недоволенъ, въ чемъ и расписался. Но по всей вѣроятности, это былъ только актъ неудовольствія самаго платоническаго характера, едва ли подполковникъ Чингисовъ апеллировалъ къ высшей инстанціи: всѣ казуистическія мѣры, вытекавшія, по выраженію выдающагося слѣдователя Скорины, изъ свойственной Турсуну политики, были исчерпаны. Оставалось только, по закрытіи занавѣса, скорчить недовольную мину и удалиться. Чингисовъ это и сдѣлалъ, расписавшись въ своемъ неудовольствіи. Впослѣдствіи, по истеченіи 24—25 лѣтъ, когда въ правительственныхъ сферахъ возникли новыя вѣянія и наступила освободительная эпоха 1861 года, Турсунъ Чингисовъ въ числѣ прочихъ также „охотно пошелъ на встрѣчу челоуѣколюбивымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества“, подписавъ освободительный актъ, уничтожавшій рабство въ киргизской степи.

VI.

Разсмотрѣнное въ предъидущей главѣ дѣло султана Чингисова съ тюленгутами раскрывало и объясняло многое въ темномъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ, правахъ и обязанностяхъ султана къ тюленгутамъ и тюленгутовъ къ султанамъ. Казалось бы, что у тогдашней администраціи по одному этому дѣлу должно было бы составиться опредѣленное представление о тюленгутахъ, какъ о свободныхъ киргизахъ, иногда прибѣгавшихъ къ патріархальному покровительству султана. Изъ среды тюленгутовъ киргизы выбирали себѣ, напр., старшинъ (таковъ Истемесъ Тлеугабыловъ) и біевъ, слѣдовательно званіе это дѣйствитель-

но было почетнымъ въ киргизскомъ народѣ и не шло въ сравненіе съ званіемъ кула-раба. Въ прекрасномъ комментарий къ киргизскимъ пословицамъ г. фонъ-Герна приведена одна пословица, смыслъ которой таковъ: „Если дворъ оставить безъ вѣрнаго сторожа—собаки—въ него войдетъ презрѣнное животное свинья; если народъ не избѣретъ себѣ народнаго судью-бія—на судейскомъ мѣстѣ усядется кулъ“...¹⁾

Тѣмъ не менѣе, вопреки столь яснымъ и опредѣленнымъ фактамъ и указаніямъ, султанскія просьбы о закрѣпощеніи за ними тѣхъ или другихъ тюленгутовъ не прекращались.

Лѣтомъ 1845 года управитель Кырджинской волости Аягузскаго округа султанъ Джангырь Уваліевъ подалъ пограничному начальнику Сибирскихъ киргизовъ генераль-маіору Вишневскому прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о причисленіи къ нему принадлежащихъ ему тюленгутовъ. Обстоятельства дѣла Уваліевымъ были изображены въ такомъ видѣ. До управленія Кырджинской волостью султанъ Уваліевъ находился вмѣстѣ съ своими тюленгутами въ Кыдырь-Муруновской волости. Съ избраніемъ же въ управители самъ онъ переселился въ Кырджинскую волость, а тюленгуты его остались на прежнихъ мѣстахъ: Итыкъ Сасыковъ съ товарищами въ числѣ 27 кибитокъ остались въ Кыдырь-Муруновской волости, подвѣдомственной султану Калифану Ючину, а другіе въ числѣ 19 юртъ въ Куттумбетъ-Муруновской волости, подчиненной султану Абдильдѣ Сартову. Всего 46 кибитокъ. При исчисленіи скота въ 1844 году эти тюленгуты неправильно приписаны къ названнымъ волостямъ Кокпектинскаго округа и тамъ вносятъ ясапныя деньги. Султану же Уваліеву нужно было, чтобы его тюленгуты жили съ нимъ въ Кырджинской волости,

¹⁾ См. Пам. Кн. Сем. обл. на 1898 г.

дабы онъ могъ вносить вообще съ прочими и за нихъ ясащныя деньги въ Аягузскій приказъ.

Приведенное прошеніе Уваліева было препровождено для разслѣдованія къ старшему султану Кокпектинскаго внѣшняго окружнаго приказа Кійсыку Тезекову. Отъ Тезекова требовалось — собрать свѣдѣнія, когда, кѣмъ и по какому праву означенные тюленгуты были гріобрѣтены? и если-бы при этомъ выяснилась принадлежность ихъ Уваліеву, то причислить ихъ къ нему при ближайшемъ исчисленіи скога у киргизовъ его волости. При отсутствіи же доказательствъ поступить съ ними какъ съ свободными киргизами.

Въ октябрѣ 1846 года султанъ Тезековъ увѣдомилъ Кокпектинскій приказъ, что прописанные въ прошеніи Уваліева киргизы Итекъ Сасыковъ съ товарищами въ числѣ 46 кибитокъ, по учиненному имъ удостовѣренію, не есть тюленгуты султана Джангира Уваліева, а свободного состоянія киргизы, находящіеся — одни въ вѣдѣніи старшины Джантекея Досчина и есть одного съ нимъ рода, другіе — вѣдѣнія старшины Алмамбетова и тоже одного съ нимъ рода и третьи у волостного султана Абдильды Сартова находятся въ видѣ тюленгутовъ — прислуги, но свободного состоянія. Съ самого открытія Аягузскаго округа и даже ранѣе эти киргизы состояли въ вѣдѣніи прописанныхъ лицъ.

Еще до выясненія результатовъ своего перваго прошенія 1845 года султанъ Уваліевъ въ маѣ 1846 года подалъ новое прошеніе пограничному начальнику сибирскихъ киргизовъ приблизительно такого же содержанія, какъ и предъидущее, только число юртъ, принадлежащихъ тюленгутамъ, было здѣсь обозначено 43 вмѣсто первоначальныхъ 46. Производство дознанія по этому второму прошенію генералъ-маіоромъ Вишневскимъ было возложено на чиновника особыхъ порученій Ивашкевича. Ивашкевичъ, отправившись въ Аягузъ, обратился въ Кокпектинскій приказъ съ

просьбой о высылкѣ ему свѣдѣній по возложенному на него порученію и, кромѣ того, потребовалъ отъ просителя, „почтеннаго султана“ Уваліева подробный именной списокъ тѣхъ тюленгутовъ, о возвращеніи которыхъ онъ просить. Султанъ исполнилъ это требованіе Ивашкевича, выславъ ему именной „списокъ тюленгутамъ султана Джангира Уваліева, кочующимъ въ Кокпектинскомъ округѣ“. Достойно примѣчанія то обстоятельство, что въ этомъ спискѣ *значатся тюленгутами два султана*—Аликенъ Ючинъ и Чингисъ Аликенева.

Чиновникъ Ивашкевичъ, вскорѣ же узнавшій, что дознаніе по тому же дѣлу производится уже старшимъ султаномъ Тезековымъ, прекратилъ свои дѣйствія и всю переписку обратно представилъ пограничному начальнику.

Въ результатъ двухъ возбужденныхъ ходатайствъ султану Уваліеву отъ пограничнаго начальника было объявлено, что за принадлежностію тѣхъ киргизовъ Кокпектинскому округу и свободному состоянію удовлетворить просьбу Уваліева невозможно.

На томъ и закончилось дѣло о тюленгутахъ султана Уваліева, вполнѣ сходное съ дѣломъ султана Чингисова, только не успѣло оно принять тѣхъ огромныхъ размѣровъ, до которыхъ съумѣлъ раздуть свое дѣло хитроумный и изворотливый султанъ Туреунъ.

Изданіемъ Устава 1822 года было положено начало упорядоченію вопроса о киргизскихъ невольникахъ и запрещено вновь приобрѣтать въ рабство природныхъ киргизовъ. По истеченіи 25 лѣтъ со дня изданія этого Устава, когда въ средне-ордынской киргизской степи было уже введено русское управленіе и киргизы мало по малу переходили на положеніе мирныхъ подданныхъ Россіи, мысль о регламентаціи степного рабовладѣльчества не была покинута высшей администраціей края. Въ періодъ, обнимающій 1845—1859 годы,

по разнымъ канцеляріямъ степного края шла нескончаемая переписка о киргизскихъ невольникахъ—рабахъ. Подъ шумокъ этой переписки киргизскіе вліятельные султаны забирали въ свои руки ослабѣвшихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ единоплеменниковъ. Тягостное впечатлѣніе выносится изъ ознакомленія съ положеніемъ дѣла о киргизскихъ невольникахъ за этотъ пятнадцатилѣтній періодъ! Какая то чудовищная какофонія канцелярскихъ нотъ, направляемыхъ отъ одного должностного лица къ другому; какое-то море чернильнаго формализма, топившее въ себѣ всѣ зачатки человѣколюбивыхъ начинаній правительства!

Начало этому безплодному періоду упорядоченія киргизскаго рабства было положено 13 февраля 1845 года указомъ пограничнаго управленія сибирскихъ киргизовъ. Этимъ указомъ отъ окружныхъ приказовъ требовалось собираніе свѣдѣній о приобрѣтеніи киргизами невольниковъ *послѣ* изданія положенія 22 іюля 1822 года. Конечно, въ канцеляріяхъ заведены были особыя „дѣла“ и шла не приносившая никакихъ результатовъ переписка, опять должны были составляться списки невольниковъ у киргизовъ, и пр. Въ 1851 году пограничное управленіе, въ дополненіе къ прежнему своему распоряженію по дѣлу разослало по окружнымъ приказамъ для руководства копію журнала совѣта отъ 13—18 августа того года. Въ этомъ документѣ по вопросу о собираніи свѣдѣній по названному предмету были приняты слѣдующія положенія.

Такъ какъ киргизы владѣтели—говорилось въ копіи журнальнаго постановленія,—не имѣютъ на своихъ невольниковъ никакихъ актовъ, то для точнѣйшаго опредѣленія принадлежности невольниковъ владѣльцамъ и времени приобрѣтенія ихъ въ неволю, велѣно приказамъ отобрать письменныя показанія, какъ отъ владѣльцевъ, такъ и отъ самихъ невольниковъ о томъ: когда и отъ кого сіи послѣдніе поступили и, въ

случаѣ разнорѣчія въ показаніяхъ, пояснить оныя спросомъ постороннихъ лицъ или же другими справками, на которыя будутъ ссылатся невольники или владѣльцы, и такимъ образомъ, приведя въ ясность, кто, у кого и почему долженъ находится у владѣтелей.

Употребить всѣ мѣры къ дознанію, когда приобрѣтены владѣтелями невольники, о которыхъ приказы обыкновенно объясняютъ, что время приобрѣтенія ихъ неизвѣстно. И если невольники окажутся приобрѣтенными послѣ 22 іюля 1822 года, то съ таковыми поступить на точномъ основаніи 2 пункта сего положенія, а именно: всѣхъ таковыхъ невольниковъ и невольницъ, какъ приобрѣтенныхъ въ неволю въ противность 1171 ст. IX т. свода зак. отъ неволи взять и объявить свободу, предоставивъ имъ право причислиться къ округу и волости по ихъ желанію, а владѣтелямъ ихъ объявить, что они за силою объясненнаго такона не въ правѣ простирать на нихъ своей власти, и отобразивъ объ этомъ подписки, какъ отъ вышеозначенныхъ невольниковъ, такъ и отъ владѣтелей, представить въ пограничное управленіе, при этомъ приказы обязаны ограждать невольниковъ отъ притѣсненій со стороны ихъ владѣльцевъ, въ особенности тѣхъ, которые будутъ доказывать, что они приобрѣтены послѣ 22 іюля 1822 года.

Кромѣ того вмѣнено было также окружнымъ приказамъ въ обязанность:

Составить въ окружныхъ приказахъ именные списки невольниковъ, кои окажутся приобрѣтенными въ неволю до 22 іюля 1822 года и въ нихъ отмѣчать прибыль невольниковъ отъ рожденія и убыль ихъ по разнымъ причинамъ.

Объявить владѣльцамъ невольниковъ, чтобы они не смѣли никому передавать ихъ безъ вѣдома приказа и чтобы каждый желающій передать своего невольника

другому явился бы лично въ приказъ съ тѣмъ, кому невольникъ передается. Приказъ же, выслушавъ о семь просьбу, не дѣлая постановленія, долженъ снабдить новаго владѣтеля невольника актомъ на передачу и сдѣлать о семъ отмѣтку въ именныхъ спискахъ, а въ случаѣ передачи невольниковъ въ другой округъ уведомить о томъ мѣстный приказъ.

Владѣтелямъ невольниковъ, которые будутъ оказываться приобрѣтенными послѣ 22 іюля 1822 года, или станутъ показывать, что они неправильно находятся въ неволѣ, не дозволять передачу сихъ невольниковъ въ другія руки впредь до того, пока не будетъ ясно обнаружено время приобрѣтенія ихъ и неоспоримость принадлежности.

Воспретить нашимъ киргизамъ передачу невольниковъ киргизамъ неподвѣдомственнымъ російскому правительству.

Объявить киргизамъ чрезъ волостныхъ управителей и аульныхъ старшинъ о запрещеніи приобрѣтать въ неволю природныхъ киргизовъ съ тѣмъ, что если обнаружится таковое послѣ сего, то невольники отъ нихъ будутъ тотчасъ отбираемы и причисляемы, куда они пожелаютъ, а приобрѣтатели подвергнутся законному взысканію, какъ нарушители постановленій.

Каркаралинскій приказъ 29 декабря 1851 года, снявъ съ сего указа копіи, препроводилъ къ дистанчнымъ засѣдателямъ, которые обязаны были непремѣнно приступить къ исполненію всего вышеизложеннаго. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! При разсмотрѣніи представленныхъ по сему предмету въ приказъ донесеній оказывалось: въ дистанціи засѣдателя Лагунова 3 невольника; таковой же засѣдателя Карпова невольниковъ 35 и невольницъ 19. Всѣ отобранныя отъ нихъ показанія вполнѣ не обследованы, нѣкоторые киргизы остались вовсе не спрошенными и самыя показанія не утверждены подписомъ

слѣдователя Карпова, по смерти котораго дѣло о невольникахъ поступило къ чиновнику Броховичу, который не обратилъ должнаго вниманія на таковыя недостатки, не вычиталъ, какъ бы слѣдовало, показаній, неутвержденныхъ подписью засѣдателя Карпова, не утвердилъ оныхъ своей собственной подписью и представилъ въ такомъ видѣ въ приказъ. Приказъ же, не обративъ вниманія на неполноту и упущенія, журнальнымъ постановленіемъ 7 ноября 1853 года заключилъ: значущимся въ дѣлѣ невольникамъ и невольницамъ, пріобрѣтеннымъ владѣтелями ихъ послѣ 1822 года, т. е. не по наслѣдству, а по разнымъ случаямъ, на основаніи 1171 ст. объявить свободу, предписавъ объ этомъ дистаночнымъ засѣдателямъ, съ тѣмъ чтобы они предоставили невольникамъ причислиться къ волости по ихъ желанію, а владѣльцамъ ихъ объявить, что они, за силою объясненнаго закона, не въ правѣ простираť на нихъ своей власти. Отобравъ объ этомъ подписки, какъ отъ невольниковъ, такъ и отъ владѣтелей, представили бы оныя въ самомъ скоромъ времени въ приказъ для представленія ихъ въ пограничное управленіе. Владѣльцамъ тѣхъ невольниковъ, кои значились по сему докладу пріобрѣтенными по наслѣдству и до 1822 года, объявлено черезъ тѣхъ же засѣдателей, чтобы они не имѣли никому передавать ихъ безъ вѣдома приказа.

Невольники султана Исима Чамина—Ильгонъ, Итаякъ, Учъкара и Балапанъ хотя и показываютъ, что находятся у него въ услуженіи, но такъ какъ сами же говорятъ, что они калмыцкаго происхожденія и что отцы ихъ были въ невольничествѣ у хана Аблая (чему минуло болѣе 50 лѣтъ), слѣдовательно переходили по прямому наслѣдству отъ Аблая къ сыну его Чамѣ, отъ сего къ сыну его—настоящему владѣльцу Исиму, а по тому не имѣютъ никакого права просить свободы отъ нахожденія въ услуженіи Исима, о чемъ

имъ и объявлено чрезъ управителя Айбике — Чанчаровской волости.

Омское областное правленіе сибирскими киргизами въ указѣ отъ 13 февраля 1856 года изъясняло, что въ производствѣ онаго правленія съ 13 февраля 1845 года состоитъ дѣло о собраніи свѣдѣній о невольникахъ, находящихся у киргизовъ внѣшнихъ округовъ, которое въ настоящее время не оканчивается за недостатленіемъ этихъ свѣдѣній приказами Каркаралинскимъ и Акмолинскимъ. Принимая во вниманіе, что дѣло это состоитъ въ производствѣ уже *одиннадцатъ лѣтъ*, областное правленіе предписывало приказу принять рѣшительныя мѣры къ окончанію дѣла о невольникахъ къ 1 іюня 1856 года и если въ означенный срокъ не будетъ сего исполнено, то виновные въ томъ сверхъ посылки на счетъ ихъ нарочныхъ, будутъ подвергнуты строгому по законамъ взысканію!

Каркаралинскій окружный приказъ съ своей стороны давалъ столь же строгія предписанія засѣдателю Трусову 16 марта и 17 мая и на это послѣднее отъ 30 мая 1856 г. послѣдовало донесеніе Трусова о томъ, что онъ еще не имѣлъ возможности заняться дѣломъ о невольникахъ. 5 октября того же года приказъ вновь предписывалъ засѣдателю Трусову „озаботиться окончаніемъ дѣла о невольникахъ“, а Трусовъ въ отвѣтъ на это неизмѣнно доносилъ о томъ, что онъ теперь отправляется въ какія-то киргизскія волости для окончанія порученныхъ ему дѣлъ о хищническихъ угонкахъ лошадей, и пр., и пр. 31 октября окружный приказъ еще разъ предписывалъ о томъ же и сверхъ того требовалъ немедленно донесенія, какое существуетъ различіе между невольниками и тюленгутами: по происхожденію, по отношенію къ султанамъ и біямъ, въ вѣдѣніи которыхъ они состоятъ и по правамъ и отношеніямъ невольниковъ и тюленгутовъ въ киргизскомъ народѣ. 17 ноября приказъ вновь предписывалъ

о томъ же, но видимо безъ всякаго успѣха. Въ январѣ 1857 года предписанія окружнаго приказа о скорѣйшемъ окончаніи дѣла о невольникахъ направлялись уже по адресу секретаря Устюжанина, видимо, смѣнившаго засѣдателя Трусова. Крайнимъ срокомъ для окончанія дѣла было опять назначено 1 февраля 1857 года, но и этотъ крайній срокъ, подобно предыдущимъ, былъ также пропущенъ: 20 марта 1857 года окружной приказъ все еще обязывалъ г. Устюжанина скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности. Медленность въ производствѣ дѣла о невольникахъ,—говорилось въ предписаніи приказа, замѣчена еще ревизовавшимъ Западную Сибирь по Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантомъ Анненковымъ.

На этомъ предписаніи приказа и обрывается архивное дѣло о невольникахъ Каркаралинскаго округа. Канцелярская волокита достигла здѣсь своего апогея и дальше идти было некуда. Занимавшаяся надъ Россіей заря освобожденія была уже близко. Только она одна и могла освѣтить весь этотъ мучительный бумажный хаосъ, въ мусорѣ котораго были погребены священныя права человѣка.

VII.

Объявленіе свободы находившимся у киргизовъ Степного края невольникамъ началось въ 1859 году и было закончено въ 1863 году. Исправлявшій должность военнаго губернатора общей области сибирскихъ киргизовъ (центръ въ г. Омскѣ) полковникъ Гутковский, въ бытность свою при ревизіи округовъ области лѣтомъ 1859 года, убѣдился въ томъ, что султаны, бии и старшины всѣхъ 5 округовъ области (Акмолинскаго, Каркаралинскаго, Кокчетавскаго, Баянъ-аульскаго, Атбасарскаго) изъявили желаніе освободить изъ раб-

ства состоящихъ у нихъ невольниковъ и освобождать на будущее время тѣхъ невольниковъ, которые могли поступить къ нимъ изъ неподвѣдомственныхъ Россіи родовъ или изъ другихъ округовъ въ приданое за невѣстами и по инымъ случаямъ съ тѣмъ, чтобы невольники были, по объявленіи свободы, приписываемы на положеніе киргизовъ и пользовались всѣми правами, киргизскому народу присвоенными.

Вслѣдствіе этого полковникомъ Гутковскимъ было тогда же предложено общему областному правленію сибирскихъ киргизовъ немедленно распорядиться, чтобы невольники всѣ безъ изъятія были вызваны въ окружные приказы и, по объявленіи имъ свободы, были приписаны на общее положеніе киргизовъ; при этомъ надлежало объяснить имъ, что если кто изъ нихъ желалъ бы остаться для услугъ у своего владѣльца, то не иначе, какъ по своей доброй волѣ и по обоюдному договору и что, приобрѣтя свободу и право собственности, они обязываются лично нести общественныя и государственныя повинности наравнѣ съ другими киргизами. Хотя у освобожденныхъ невольниковъ, не имѣвшихъ права собственности, нельзя предполагать скотоводства, но такъ какъ, съ дарованіемъ свободы, нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть нацѣлены скотомъ своими владѣльцами за прежнюю службу, а другіе могутъ приобрѣсть оный въ скоромъ времени вольнымъ трудомъ, то товарищъ военного губернатора вошелъ съ ходатайствомъ къ генералъ-губернатору Западной Сибири о предоставленіи имъ, по припискѣ на положеніе киргизовъ, пятилѣтней льготы отъ платежа ясака.

Подписка о дарованіи воли, данная полковнику Гутковскому султанами, біями и старѣйшинами киргизскаго народа Каркаралинскаго округа, составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Товарищъ военного губернатора области сибирскихъ

киргизовъ господинъ полковникъ Гутковскій, въ общемъ собраніи султановъ, почетныхъ биевъ, старшинъ и народа Каркаралинскаго округа, изъяснивъ намъ, что Государь Императоръ, заботясь о благоденствіи своихъ подданныхъ, постановилъ уничтожить крѣпостное состояніе людей въ государствѣ, пригласилъ насъ, не пожелаетъ ли кто изъ насъ, по своей доброй волѣ, дать полную свободу издавна приобрѣтеннымъ нами невольникамъ съ тѣмъ, чтобы невольники эти были приписаны къ волостямъ на общее положеніе киргизовъ и пользовались всѣми правами, киргизскому народу присвоенными

„Всею душою сочувствуя человѣколюбивымъ видамъ Его Императорскаго Величества и готовые всегда представить доказательства нашего усердія и преданности правительству, мы единогласно приняли предложеніе господина товарища военнаго губернатора и обязуемся настоящею подпискою объявить немедленно свободу всѣмъ невольникамъ, которыми до сихъ поръ владѣли, а равно объявлять на будущее время свободу тѣмъ невольникамъ, которые могли бы поступить къ намъ въ приданое за невѣстами и по другимъ случаямъ изъ другихъ округовъ или изъ неподвѣдомственныхъ россійскому государству киргизскихъ народовъ, хотя бы первыми владѣльцами эти невольники и были приобрѣтены до 22 іюля 1822 года, дабы единожды навсегда уничтожить въ нашемъ округѣ состояніе и самое названіе невольничества“.

Этотъ, если можно такъ выразиться, манифестъ о волѣ, опередившій 19 февраля 1861 года почти на два года, подписали: старшій султанъ Чамынбай Биралинъ, засѣдатели Джулгара Анаевъ и Азимбай Сарыгызовъ, султаны-маіоръ Кушпекъ Таукинъ, хорунжій Тюмокъ Турсуновъ, Асанъ Чингисовъ, нашъ старый знакомый султанъ подполковникъ Турсунъ Чингисовъ, и др. султаны, волостные управители и бии.

Высшая администрація края, по инициативѣ и приглашенію которой послѣдовало уничтоженіе невольничества у киргизовъ, называла въ оффиціальной перепискѣ этотъ актъ „благороднымъ и человѣколюбивымъ подвигомъ киргизовъ“.

Объявленіе воли по Семипалатинской области, сформированной уже тогда изъ округовъ Кокшкетинскаго, Копальскаго, Аягузскаго, Семипалатинскаго и Алатавскаго и киргизовъ Большой орды, шло параллельно. Первоначальный толчокъ къ этому движенію по Семипалатинской области данъ былъ предписаніемъ генераль-губернатора Западной Сибири генерала отъ инфантеріи Гасфорта отъ 13 ноября 1859 года. На означенномъ предписаніи рукою генераль-губернатора было надписано — „весьма нужное“.

Въ концѣ ноября 1859 года семипалатинскимъ военнымъ губернаторомъ генераль-маіоромъ Пановымъ было разослано по всѣмъ окружнымъ приказамъ области слѣдующее циркулярное предложеніе.

„Киргизы всѣхъ пяти округовъ области Сибирскихъ киргизовъ, узнавши, что Государь Императоръ, въ отеческой заботливости своей о благоденствіи подданныхъ, желаетъ уничтожить въ государствѣ крѣпостное состояніе, т. е. принадлежность однихъ людей другимъ на правѣ собственности, единодушно изъявили готовность освободить изъ рабства находящихся у нихъ невольниковъ, обязавшись и на будущее время освобождать немедленно всѣхъ тѣхъ невольниковъ, которые могли бы поступить къ нимъ изъ неподданыхъ Россіи родовъ въ приданое за невѣстами или по какимъ либо другимъ случаямъ.

„Такой благородный и человѣколюбивый подвигъ киргизовъ сосѣдней области даетъ мнѣ право надѣяться, что и киргизы Высочайше ввѣренной мнѣ Семипалатинской области, сознавая вопіющую несправедливость рабства, унижающаго достоинство человѣка и

низводящаго невольника на степень домашняго животнаго, поспѣшать съ тѣмъ же единомысліемъ доказать и преданность свою правительству уничтоженіемъ у себя рабства“.

Далѣе генераль-маіоръ Пановъ въ своемъ предложеніи указывалъ на тѣ способы, при помощи которыхъ должно было состояться объявленіе воли киргизскимъ рабамъ Семипалатинской области. Обязавши владѣльцевъ подписками немедленно отпустить невольниковъ на свободу, составить общественные приговоры о томъ, чтобы на будущее время ни подъ какими предлогами не пріобрѣтать себѣ людей въ неволю. Самимъ невольникамъ теперь же объявить полную независимость отъ владѣльцевъ и необходимость приписки къ той или другой волости. Наконецъ требовалось безотлагательное представленіе именныхъ списковъ невольникамъ и ихъ семействамъ.

На приведенное обращеніе генераль-маіора Панова ранѣе всѣхъ другихъ отозвался Копальскій окружный приказъ, представившій актъ отъ 18 декабря 1859 г. Въ этомъ актѣ киргизы султанскаго происхожденія, бии, старшины, а также и почетные киргизы Копальскаго округа удостовѣряли, что въ этомъ округѣ никто изъ султановъ и почетныхъ людей не имѣютъ въ рабствѣ никакихъ киргизовъ, которые бы считались невольниками или рабами, и киргизы у насъ всѣ вообще платятъ ясакъ и несутъ наравнѣ съ прочими повинности, какія только требуются закономъ. Затѣмъ обязуемся не считать своею собственностію и такихъ невольниковъ, какіе могли бы впослѣдствіи достаться кому нибудь изъ насъ отъ неподвѣдомственныхъ Россіи родовъ въ приданое за невѣстами или по какимъ либо другимъ случаямъ“.

Семипалатинскій внутренній окружный приказъ 23 марта 1860 года ограничился простымъ донесеніемъ, что у киргизовъ Семипалатинскаго округа невольни-

ковъ не имѣется. Начальникъ Алатавскаго округа отозвался невозможностью исполнить до наступленія лѣта предложеніе губернатора, а Сергіопольскій и Кокпектинскій приказы до конца марта совсѣмъ не давали знать о положеніи дѣла, и генераль Пановъ долженъ былъ неоднократно настаивать на исполненіи своего предложенія этими приказами. Приказы на это доносили, что предложеніе губернатора передано ими для исполненія дистаночнымъ засѣдателямъ, но ими еще не исполнено. Въ апрѣлѣ 1860 года на подобномъ донесеніи Сергіопольскаго приказа г. Пановымъ написано: „не могу не изъяснить моего удивленія, что приказъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ оставался равнодушнымъ къ такому серьезному вопросу, какъ освобожденіе невольниковъ и не настоялъ на выполненіи даннаго мною по этому предмету предписанія. Поставляю на видъ приказу такую непонятную безпечность“.

Тѣмъ временемъ генераль-губернаторъ Западной Сибири въ маѣ 1860 года требовалъ уже донесеній о положеніи дѣла по приглашенію киргизовъ Семипалатинской области къ освобожденію невольниковъ. Подобныя же настоянія къ скорѣйшей развязкѣ дѣла о невольникахъ со стороны генераль-губернатора Семипалатинскому губернатору были сдѣланы въ февралѣ и іюлѣ 1861 года.

При такомъ отношеніи высшей администраціи края дѣло по освобожденію киргизскихъ невольниковъ не могло растянуться на десятки лѣтъ.... Въ сентябрѣ 1860 года генераль-маіоръ Пановъ на донесеніи Кокпектинскаго приказа о томъ, что „свѣдѣнія о невольникахъ собираются по мѣрѣ возможности“ написалъ: „я доносилъ г. генераль-губернатору, что окончу дѣло въ бытность мою въ степи, и теперь выходитъ, что оно затянется на долго, ежели пойдетъ этимъ ходомъ“ и далъ строгое предписаніе объ ускореніи дѣла.

Наконецъ Сергіопольскій окружный приказъ (бывъ:

шій Аягузскій) въ февралѣ 1861 года представилъ всенному губернатору области актъ, помѣченный 16 іюля 1860 года, которымъ султаны, волостные управители, аульные старшины, бѣи и киргизы Сергіопольскаго округа давали „всѣмъ тюленгутамъ, записаннымъ уже наравнѣ съ киргизами въ перепись и исчисленіе и несущими повинности, полную свободу и независимость и обязывались на будущее время не приобрѣтать людей въ собственность подъ какимъ бы то ни было названіемъ“. Одновременно съ этимъ приказъ представлялъ именной списокъ тюленгутовъ, которымъ 5 августа 1860 года объявлена свобода отъ владѣтелей. О той обстановкѣ, при которой совершилось объявленіе воли въ Сергіопольскомъ округѣ приказъ доносилъ: „пока засѣдателями собирались свѣдѣнія о невольникахъ Сергіопольскаго округа приказу представился случай объявить означенное приглашеніе вашего превосходительства всему лучшему киргизскому обществу, собравшемуся въ Сергіополь для выбора старшаго султана“.

Въ Семипалатинскѣ при разсмотрѣніи представленныхъ Сергіопольскимъ приказомъ именныхъ списковъ освобожденныхъ невольниковъ было замѣчено, что въ этотъ списокъ включены тюленгуты, которые уже числятся по переписи народонаселенія округа, слѣдовательно состоятъ на одномъ общемъ положеніи съ киргизами и ни въ какомъ случаѣ, вѣроятно, не могли быть невольниками у султановъ. На этомъ основаніи отъ Сергіопольскаго приказа было потребовано представить другой списокъ собственно о невольникахъ, состоящихъ въ рабствѣ, о которыхъ на основаніи 1283 ст. IX т. приказъ обязанъ имѣть положительныя свѣдѣнія, которыя нужно теперь только на мѣстѣ провѣрить и дополнить и предложить владѣльцамъ невольниковъ освободить ихъ изъ рабства.

Такимъ образомъ вопросу о значеніи тюленгутизма

въ киргизскомъ быту и отличіи тюленгутовъ отъ куловъ еще разъ суждено было возникнуть наканунѣ самаго уничтоженія киргизскаго рабства.

Сергіопольскій окружный приказъ, исполнивъ въ октябрѣ 1861 года требованіе генералъ-маіора Панова и представивъ отдѣльный списокъ собственно невольниковъ, между прочимъ писалъ: „Хотя тюленгуты, о которыхъ приказомъ представленъ былъ ранѣе списокъ, и не рабы султановъ, записаны въ народную перепись и исчисленія и платятъ ясакъ, но *они записаны собственно при султанахъ и состоятъ въ зависимости и полномъ распоряженіи султановъ*. Зависимость ихъ доказывается тѣмъ, что тюленгутъ безъ согласія султана не могъ его оставить и ничего предпринять, служилъ ему и работалъ безвозмездно. На семъ основаніи, по мнѣнію приказа, *тюленгуты къ султанамъ находились въ такихъ же отношеніяхъ, какъ крестьяне къ помещикамъ*.”

Такимъ образомъ, если довѣрять этому утвержденію Сергіопольскаго приказа, всѣ усилія дореформенной русской администраціи с разграниченіи правъ тюленгутовъ и куловъ *de facto* киргизскими рабовладѣльцами были уничтожены подъ шумиху собиранія разныхъ канцелярскихъ свѣдѣній и составленія списковъ невольниковъ. Дѣлу свободы тюленгутовъ не принесли пользы и такіе судебные процессы, какъ подробно изложенный нами выше процессъ султана Чингисова съ тюленгутами и др., безплодными оказались и тѣ благородныя усилія внести свѣтъ и правду во взаимныя отношенія киргизовъ такихъ достойныхъ русскихъ дѣятелей, какъ слѣдователь Скорина и пр.

Наконецъ и Кокпектинскій окружный приказъ въ мартѣ 1861 года прислалъ исполнительное донесеніе на предложеніе губернатора отъ 23 ноября 1859 года. Киргизы Кокпектинскаго округа также составили общественные приговора, чтобы не приобретать впредь

людей въ собственность подъ какимъ бы то ни было названіемъ и немедленно освобождали изъ неволи бывшихъ у нихъ доселѣ невольниковъ. Въ списокъ невольниковъ этого приказа также оказались включенными и тюленгуты, но на сдѣланный по этому поводу запросъ, приказъ донесъ, что тюленгуты въ числѣ 151 души обоого пола внесены въ списокъ по ошибкѣ. Но происхожденіе этихъ тюленгутовъ интересно отмѣтить: они являются вольноотпущенными *потомками рабовъ*. По свѣдѣніямъ Кокшектинскаго приказа, собраннымъ въ 1845 году по распоряженію бывшаго пограничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ, предки этихъ тюленгутовъ приобрѣтены предками султановъ Клычевыхъ, въ настоящее время (1861 г.) эти тюленгуты вошли въ общее исчисленіе и съ 1849 г. платятъ ясакъ.

Объявленіе воли по Каркаралинскому округу общей области сибирскихъ киргизовъ также производилось медленно. Нѣкоторыхъ невольниковъ приходилось отыскивать, такъ какъ они въ это время отлучались изъ округа; нѣкоторыя киргизки, значившіяся невольницами, повыходили уже въ замужество за свободныхъ киргизовъ и такимъ образомъ перестали быть невольницами; нѣкоторыя не могли явиться въ приказъ для выслушанія объявленной воли по старости и болѣзнямъ, и т. д.

При всемъ этомъ, какъ по общей области сибирскихъ киргизовъ, такъ и по Семипалатинской, были составлены въ 1862 году именныя списки киргизскихъ невольниковъ, и областнымъ правленіямъ было предложено сдѣлать распоряженія о причисленіи освобожденныхъ невольниковъ на положеніе киргизовъ въ тѣхъ волостяхъ, къ которымъ сами они пожелаютъ приписаться. Всѣмъ освобожденнымъ отъ рабства, по представленію генераль-губернатора Западной Сибири, Министерствомъ Финансовъ предоставлена пятилѣт-

няя льгота въ видѣ освобожденія отъ платежа ясака. Льготу эту Министромъ Финансовъ предоставлено распространить и на тѣхъ рабовъ, которые будутъ въ послѣдствіи получать свободу.

О постановленіяхъ областныхъ правленій вновь предписано было объявлять освобожденнымъ невольникамъ, такъ что дѣла о невольникахъ могли быть закончены только въ 1863 году и одновременно съ этимъ въ Семипалатинскомъ областномъ правленіи было постановлено: дѣла о невольникахъ сдать въ архивъ, а слова „тюленгутъ“ въ переписяхъ киргизскаго народа больше не употреблять.

Въ декабрѣ 1862 года по Сергіопольскому приказу указъ обл. правленія былъ исполненъ и представленъ „именной списокъ“, изъ котораго видно, что въ моментъ объявленія воли невольниковъ было—33 мужского пола и 24 женщины, у нихъ было 17 юртъ, 55 лошадей, 49 головъ рогатаго скота и 160 барановъ. Сверхъ того объявлена независимость отъ султановъ 488 тюленгутамъ (301 мужч. и 187 жен.).

Кокпектинскій приказъ исполнилъ указъ областного правленія въ августѣ 1863 года. По этому округу было освобождено изъ рабства 20 мужчинъ и 41 женщина, во владѣніи которыхъ было 8 юртъ, 18 лошадей, 30 головъ рогатаго скота и 60 барановъ.

Всего по Семипалатинской области освобождено 120 рабовъ и рабынь въ 25 юртахъ.

По Каркаралинскому округу освобождены изъ рабства 68 невольниковъ и 64 невольницы въ 29 юртахъ, у нихъ скота: 101 лошадь, 55 гол. рогатаго и 1140 барановъ.

По Акмолинскому округу—31 невольникъ и 25 невольницъ въ 10 юртахъ, скота: 4 лошади, 19 головъ рогатаго и 10 барановъ.

По Атбасарскому округу 24 невольника и 2 невольницы, скота 2 лошади и 40 барановъ.

По Баянъ-аульскому округу—9 невольниковъ и 26 невольницъ въ 4 юртахъ, скота 1 лошадь, 1 голова рогатаго и 5 барановъ.

По Кокчетавскому 19 невольниковъ и 11 невольницъ въ 5 юртахъ, у нихъ скота: 10 лошадей, 15 головъ рогатаго и 33 барана.

Сводъ всѣхъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Названіе округа.			Число юрт.	Число не- вольниковъ.	Число не- вольницъ.	Лошад.	Рогатаго скота.	Барановъ.
Сергіопольскій	—	—	17	33	24	55	49	160
Кокпектинскій	—	—	8	20	41	18	30	60
Каркаралинскій	—	—	29	68	64	101	55	1140
Акмолинскій —	—	—	10	31	25	4	19	10
Атбасарскій —	—	—	—	24	2	2	—	40
Баянъ-аульскій	—	—	4	9	26	1	1	5
Кокчетавскій —	—	—	5	19	11	10	15	33
Всего —			73	204	193	191	169	1448
				397				

Итакъ, съ освобожденіемъ по 2 областямъ Западной Сибири 397 невольниковъ рабство и тюленгутизмъ въ киргизской степи исчезли!

Но уже по самому перечню рабовъ, освобожденныхъ по Семипалатинской области только въ двухъ округахъ, можно полагать, что это освобожденіе даже въ количественномъ отношеніи было неполнымъ. Хотя волостные управители Копальскаго и Семипалатинскаго округовъ и доносили, что рабовъ у нихъ нѣтъ, такъ какъ всѣ киргизы подвѣдомственныхъ имъ волостей платятъ ясакъ, но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы киргизы этихъ двухъ округовъ тогдаш-

ней Семипалатинской области обладали уже такими исключительными особенностями, которыя мѣшали бы имъ держать у себя рабовъ, какъ это было въ обычаѣ между всѣми киргизами вообще.

Въ 1874 году второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, руководствуясь статьями закона, по которымъ окружнымъ приказамъ должно было быть извѣстнымъ число невольниковъ, у киргизовъ находящихся, и всѣ передачи невольниковъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, а уставомъ 22 іюля 1822 г. строго запрещено было вновь приобрѣтать въ неволю природныхъ киргизовъ,—по этимъ основаніямъ черезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ запрашивало свѣдѣнія о томъ, числятся ли въ настоящее время невольники у киргизовъ? Въ отвѣтъ на это начальники всѣхъ уѣздовъ области: Семипалатинскій, Каркаралинскій, Устькаменогорскій, Павлодарскій и правленіе Зайсанскаго приставства-единогласно донесли, что въ подвѣдомственныхъ имъ уѣздахъ рабовъ, невольниковъ и тюленгутовъ болѣе не существуетъ.

Значить, рабство исчезло?

Конечно, въ той мѣрѣ, въ какой оно существовало въ сознаніи русскаго правительства, какъ форма жизни, соотвѣтствующая тому или другому требованію изданнаго закона, въ этомъ смыслѣ киргизское рабство, да, исчезло! съ 1863 года оно уже не пользуется покровительствомъ русскихъ законовъ!... Могущественный факторъ нашего времени, до извѣстной степени управляющій судьбами взаимныхъ отношеній одного человѣка къ другому—уровень экономического благосостоянія—и здѣсь наложилъ свою властную руку. Тамъ, гдѣ господствовали обычай, право или единоличная воля султана, воцарился онъ въ качествѣ вершителя жизненныхъ судебъ какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлыхъ группъ или сословій!

Вотъ что пишутъ по этому поводу лица, имѣвшія случай наблюдать современныя намъ (1900 г.) взаимоотношенія однихъ киргизовъ къ другимъ.

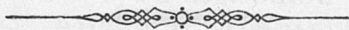
„Я долго старался выяснитъ тѣ условія, на которыхъ принимаютъ къ себѣ бѣдняковъ (киргизскіе богачи) Джаксыбай и Конторбай. Сначала васъ поразитъ кажущаяся патріархальность этихъ условій: плата за мѣсто будто бы не берется („бѣдняки, что съ нихъ возмешь?“) обязательной работы нѣтъ — непременно „помощь“ и т. п. И только потомъ, сквозь туманъ этихъ уклончивыхъ отвѣтовъ (а на нихъ большіе мастера Джаксыбай) начинается для васъ яснымъ, что тутъ, *въ сущности, что то близкое къ крѣпостному праву....* Въ аулахъ изъ „безродныхъ“ кибитокъ отношенія начинаютъ строиться исключительно на экономическихъ началахъ. Правда, не всегда за мѣсто и пр. берется опредѣленная плата, но тѣмъ для бѣдняковъ хуже. Джаксыбай и Конторбай — *эти своего рода помѣщики* на чужой землѣ — умѣютъ взять съ нихъ работою гораздо больше, чѣмъ еслибъ брали исключительно деньгами. Уйти отъ Джаксыбаевъ некуда: съ волостью связи порваны, небольшой кусокъ земли въ аренду никто не дастъ, да и чѣмъ платить? Кромѣ способности къ какому угодно черному труду ничего нѣтъ“.... Перечисливъ еще другія условія, отягчающія описанное положеніе, авторъ справедливо заключаетъ: „положеніе тутъ очень тяжелое!“

Итакъ, рабства въ киргизской степи не существуетъ, но положеніе киргизовъ, не имѣющихъ собственныхъ ни скотоводства, ни земледѣлія, близко къ положенію въ крѣпостномъ состояніи.... Число такихъ киргизовъ съ годами растетъ....

Будемъ надѣяться, что предполагаемая къ введенію въ степномъ краѣ въ недалекомъ будущемъ реформа управленія киргизами выдвинетъ на первый планъ вопросъ объ улучшеніи экономического быта кирги-

зовъ, въ которомъ замѣчается за послѣднее время разложеніе устоевъ прежней кочевой жизни и попытки перехода ихъ на новую колею. Всѣ наблюдатели, близко соприкасавшіеся съ киргизами, считаютъ ихъ народомъ способнымъ къ воспріятію высшей культуры. Пусть же предположенная реорганизація управленія послужитъ одной изъ ступеней, по которымъ способный и пережившій уже исторію рабства киргизъ-кайсацкій народъ поднимется въ своемъ нравственномъ и экономическомъ преуспѣяніи! Введеніе въ степныхъ областяхъ земскихъ учрежденій лучше всего знаменовало бы собою признаніе того, что и степные аборигены могутъ быть не только объектами усмиренія и платежными единицами, но что и у нихъ должны быть свои *земскія* нужды, требующія своевременнаго и правильнаго удовлетворенія и разрѣшенія!..

Ф. Зобнинъ.

Замѣченныя опечатки.

**Въ статьѣ „Къ вопросу о невольникахъ, рабахъ
и тюленгутахъ въ киргизской степи“.**

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
37	14 сверху	[принципіальное]	принципіальное
40	11 снизу	не были	ни были
42	3 „	пока или было угодно	пока имъ было угодно
43	16 сверху	продовать	продавать
47	5 „	тюлегуть	тюленгутъ
—	17 „	къ отцу его, Аблай-хана,	къ отцу его Аблай-хану
48	11 снизу	нашелъ справедливымъ,	нашелъ справедли- вымъ распорядиться, чтобы
—	9—10 „	должны подлежать	подлежали
63	5—6 „	тюленгутовъ	тюленгутахъ
64	14 сверху	отлагающимися	отлагающимся
—	15 „	что такъ называемые	что эти такъ называемые

**Въ статьѣ „Изъ переписки киргизскихъ хановъ,
султановъ и проч.“**

64	14 снизу	Напустивъ сего	Напротивъ сего.
----	----------	----------------	-----------------